

EUROPA ORIENTALIS 13 (1994): 1

ШУТКА, САТИРА, ИРОНИЯ И НЕЧТО ПОГЛУБЖЕ

Христиан Дитрих Граббе

Комедия в 3х действиях

Перевод с немецкого Алексея Ремизова

Действующие лица:

Барон фон Гальдунген

Лидди, его племянница

Г-н фон Бернталь

Барон фон Мордакс

Господин Мольфельс

Трутка, поэт

Деревенский бакалавр

Товия, мужик

Богумил, его сын

Маргарита, служанка жены судьи

Конрад, кузнец

Четыре натуралиста

Черт

Бабушка черта

Цезарь Нерон, ее прислужник

Граббе, автор комедии

Тринадцать портных и другие второстепенные лица.

Действие происходит в деревне барона и в окрестностях.

ДЕЙСТВИЕ 1.

СЦЕНА 1

Комната бакалавра. Бакалавр сидит за столом и из большой бутылки наливает стакан за стаканом.

БАКАЛАВР *Utile cum dulci*, – водка с сахаром! Скверный день предвидится для меня сегодня, мне предстоит вбить в де-

ревенских мальчиков первое склонение имен существительных. Деревенские мальчишки и первое склонение! Это все равно, как если бы ворон должен был надеть чистую рубаху! (смотрит в окно) Черт возьми, ведь это идет рябой Товия с своим глупым пузырем. Черт бы тебя побрал. Куда тут спрятать водку? Живей, живей! спрячем-ка ее в брюхе (Выпивает бутылку чрезвычайно быстро). Ну, такого глотка не постыдился бы сам Песталоцци! А пустую бутылку прочь в окошко!

(Входят Товия с Богумилом)

- ТОВИЯ Как изволили почивать, г-н Бакалавр?
- БАКАЛАВР Спасибо, кум, спасибо! Как поживают ваши, хорошо?
- ТОВИЯ Э, ничего! Жена будто и здорова, а вот моя самая лучшая свинья лежит в предсмертных судорогах. Хрюкает и стонет, как старый мужик.
- БАКАЛАВР Жаль, жаль и свиньи, и старого мужика.
- ТОВИЯ А как там на политическом горизонте, г-н бакалавр? Что пишут свежие газеты? Что греки — победили? Прогнали, наконец, исконного врага?
- БАКАЛАВР Обстоятельства не слишком плохи. “Гамбургская Независимая” опять убила 30.000 турок, а “Нюрнбергский Корреспондент” по-прежнему без усталости продолжает насиловать греческих девушек благороднейших семейств. Передают также на ухо из наиболее достоверных источников, будто разбитая армия Ипсиланти в большом сражении 25го числа будущего месяца одержала громадную победу.
- ТОВИЯ (задрал нос и разинув рот) 25го числа будущего ме...?
- БАКАЛАВР Не удивляйтесь, г-н Товия. Курьеры ездят быстро. Улучшенные дороги, улучшенные дороги!
- ТОВИЯ Господи Иисусе! Я хоть перед смертью хотел бы увидеть такой почтовый тракт, по которому курьер проезжает за месяц вперед.
- БАКАЛАВР Действительно, у нас что-либо подобное случается редко. Но, однако, г-н Товия, вы по собственному опыту должны знать, что хороший конь по хорошей дороге обыкновенно часовой путь проходит в полчаса. Так вот представьте вы себе коня все лучшего, дорогу все исправнее, и тогда сделается совершенно естественным, что ваша лошадь пройдет свой путь в четверть часа, в десять минут, в одну минуту, в ничто, в совершенное ничто и, наконец, в меньше, чем ничто! Уразумели?

Товия Уразуметь-то я уразумел, но чтобы понять, так чтоб меня черт побрал, все ничего не понимаю.

БАКАЛАВР Если вы меня уразумели, то вовсе не важно, чтобы вы еще при этом меня и поняли! Но, однако, как сказал Цицерон Цезарю, эй, а что это ты там вытаскиваешь из кармана?

Товия Именно то, за чем я и зашел к Вам с Богумилом. Жена велит вам очень кланяться и просить, чтобы вы не пренебрегли этой колбасой.

БАКАЛАВР Чтобы не пренебрег? *(хватает колбасу и съедает)*.

Товия Видите ли, у нашего Богумила завелись червяки и поэтому моя жена думает, что из него выйдет со времени ученый. Правда, Богумил, ты хочешь быть ученым?

БОГУМИЛ Да, у меня завелись червяки.

БАКАЛАВР Можете быть уверены, кум, что я сумею оценить многообещающие склонности полного надежд вашего сына.

Товия Так вот мы, я и жена, и хотим, чтобы вы его взяли к себе и, говоря со всем нашим почтением, выучили его пастором. Нам так хотелось бы, говоря со всем почтением, видеть его на кафедре. В благодарность за ваши труды мы готовы присылать вам ежегодно на Мартына девять жирных гусей и бочонок водки.

БАКАЛАВР Бочонок? И полный до краев?

Товия Даже выливаться будет, г-н бакалавр.

БАКАЛАВР Что ни шаг, то водка. Ваш сын — один из гениальных умов. Я посвящу его не только в глубочайшие тайны догматики, гомилетики и других побочных подразделений, но, кроме того, и в главные пластические, идиллические и мефитические знания наших деревенских казнодеев, как то: колотье свиней, резку коров, накладывание навоза. А чтобы доказать вам, как близко я принимаю к сердцу успехи Богумила, я еще сегодня пойду с ним в замок, чтобы представить его прибывшей вчера молодой баронессе и ее дяде и выставить его, как величайшего гения. Быть может, они дадут мне экстренное пособие на ведение дальнейших занятий.

Товия О, сделайте это, г-н бакалавр! Только прошу вас: не мучьте слишком много мальчика наукой. У меня есть пара волов, которые должны тянуть головой, так мне известно, что значит головой работать. Счастливо оставаться. *(Уходит)*.

БАКАЛАВР (Богумилу) Иди ж теперь сюда, осе, и слушай, что скажу. Я хочу научить тебя, как должен ты держать себя в замке, чтобы произвести впечатление гениального человека. Одно из двух: или держи язык за зубами, тогда подумают: “Черт его возьми, у этого должно быть есть много, о чем молчать, если он не обмолвился ни одним словом”, или говори безумные вещи, так как тогда будут думать: “Черт его возьми, он вероятно высказывает глубокие мысли, если уж мы, которые все-таки все понимаем, не поняли ровно ничего”. Можешь также есть пауков или глотать мух: “Черт его возьми, — удивятся тогда — это, должно быть, великий человек (или, как было бы вернее относительно тебя, великий юноша), если он не брезгует мухами и пауками”. Говори теперь, животное, которому совету ты последуешь?

БОГУМИЛ Я хочу держать язык за зубами.

БАКАЛАВР Ну, мне все равно, держи его хоть руками. Это даже будет выглядеть более аллегорически и не будет лишено поэзии. Кроме того, не могу не порекомендовать тебе одной необходимой вещи: от времени до времени ты должен проявлять нечто вроде гениальной рассеянности. Сделаешь ты это, мой Богумил, приблизительно так. Выходя из дому, ты возьмешь в карман для часов дохлую кошку. Потом, когда ты будешь прогуливаться с какой-нибудь красивой барышней, или считать с ней звезды на небе, ты вытащишь из кармана и поднесешь себе к носу дохлую кошку, как бы собираясь в нее чихнуть. Барышня, разумеется, побледнеет, как мертвец, и крикнет: “Дохлый кот!”. А ты в рассеянности скажешь: “Ах, Боже мой, я думал, что это звезда с неба”. Видишь ты, уродина, такие вещи приносят славу оригинальности. *(Бьет его по лицу)*

БОГУМИЛ Ай! ай! ай!

БАКАЛАВР Не ори, щенок! *Utile cum dulci*. Знай, что это составляет одну из тонкостей моей воспитательной системы. При каждой интересной науке, я отбиваю на лице ученика пронизывающую все его кости оплеуху. И если он когда-нибудь вспомнит ее, в его памяти воскреснет и наука, которой сопутствовала оплеуха. Ну, а теперь, марш в замок. Обмакни-ка в чернильнице перо и проведи им наискось по лицу и через нос толстую чернильную линию. Пусть благо-

родные господа видят даже на моем лице следы моего рвення.

(Богумил проводит по его лицу толстую черту и оба они уходят).

СЦЕНА 2

Ясный теплый солнечный день. Черт сидит на пригорке и замерзает.

ЧЕРТ У, холодно! Ой, холодно! В аду теплей! Хоть моя сатирическая бабушка сшила мне семь теплых рубах. Так как число семь всего чаще повторяется в Библии, семь теплых плащей и семь теплых штанов, а все-таки холодно! Ой, холодно! Если бы можно было хоть деревьев накрасть, или лес поджечь, лес поджечь! Эх, сто ангелов, ведь это было бы нечто невероятное, если бы вдруг черт замерз! Деревьев накрасть, лес поджечь, поджечь, накрасть... *(замерзает).*

(Входит Натуралист, занятый собиранием растений)

НАТУРАЛИСТ Эй-Богу, в этих местах попадаются редкие растения. Господи, Боже мой, кто это лежит там на земле? Мертвый человек и, как кажется, основательно замерзший. Вот оказия! Чудо, если только бывают чудеса! Сегодня у нас второе августа, солнце печет, кажется, дождался я самого жаркого дня в моей жизни, а этот человек, вопреки всем правилам и выводам ученых людей, осмеливается замерзнуть самым бессовестным образом! Нет, это невозможно! Нужно поскорей надеть очки! Очки надел, а этот негодяй все-таки замерз. Небывалый случай, необыкновенный! Нужно его показать коллегам.

(Берет черта за ворот и тащит за собой)

СЦЕНА 3

Зал в замке. Черт лежит на столе. Его окружают четыре натуралиста.

1-й НАТУРАЛИСТ Вы должны согласиться со мной, господа, что тело этого покойника чрезвычайно запутанная проблема.

2-й НАТУРАЛИСТ Это затянется. А хуже всего то, что его теплые одежды представляют такой бесконечный лабиринт, что даже путешественник Кук, который объехал весь свет, не мог бы их расстегнуть.

- 1-й НАТУРАЛИСТ Вы должны согласиться со мной, что это — человек.
- 3-й НАТУРАЛИСТ Разумеется. Ведь он имеет пять пальцев и не имеет хвоста.
- 4-й НАТУРАЛИСТ Нужно только решить вопрос: что это за человек?
- 1-й НАТУРАЛИСТ Верно! Приступая, однако, к исследованиям, никогда нельзя сказать, что ты достаточно осторожен. Поэтому, несмотря на то, что день ясный, я советую зажечь свечи.
- 3-й НАТУРАЛИСТ Совершенно справедливо, коллега! (*зажигают свечи и ставят возле черта на столе*)
- 1-й НАТУРАЛИСТ (*После долгого молчания, во время которого все четверо с напряженным вниманием присматриваются к черту*) Господа, я думаю, что в вопросе об этом загадочном трупе я, наконец, дошел до искомой ясности суждения и надеюсь, что не ошибаюсь. Заметьте, прошу вас, этот вздернутый нос, эти широкие одутловатые губы, заметьте, говорю я, эту решительно не поддающуюся подделке печать божественной тривиальности, разлитую по всему лицу, и вы перестанете сомневаться, что перед вами лежит современный рецензент, притом один из типичнейших.
- 2-й НАТУРАЛИСТ Дорогой коллега, я решительно не могу согласиться с вашим чрезвычайно быстро высказанным мнением. Не говоря уже о том, что современные рецензенты и особенно театральные критики по моему мнению скорей простодушно наивны, чем тривиальны, я не нахожу в лице покойника ни одной из только что перечисленных черт. Наоборот, я скорее вижу в нем нечто девственное!... Эти кустистые, нависшие брови свидетельствуют о болезненной женской стыдливости, которая старается скрыть даже свой взгляд; нос же, который вы находите вздернутым, мне кажется как бы отогнутым из любезности для того, чтобы жаждущему любовнику угодить возможно большим местом для поцелуя. Одним словом, если только признаки не обманывают меня, мы имеем дело с дочерью пастора.
- 3-й НАТУРАЛИСТ Я должен признаться, что эта ваша гипотеза мне кажется несколько смелой. Что касается меня, то я допускаю, что покойник — черт.
- 1 и 2-й НАТУРАЛИСТЫ Это *ab initio* невозможно, так как черт не подходит к нашей системе.

4-й НАТУРАЛИСТ Не ссорьтесь, уважаемые коллеги. Я хочу высказать вам свое мнение и готов биться об заклад, что вы мне будете аплодировать. Заметьте это неслыханное уродство, которое, кажется, нахально бьется в каждой черте этого лица, и вы должны будете согласиться, что такое чудовищное уродство не существовало бы, не будь немецких писательниц.

ОСТАЛЬНЫЕ ТРОЕ Да, это немецкая литераторша. Мы уступаем перед силой справедливых аргументов.

4-й НАТУРАЛИСТ Благодарю вас, коллеги! Но что это? Вы заметили, господа, что с тех пор, как мы пододвинули ей к носу огонь, покойница начинает шевелиться? Вот у нее корчатся пальцы — движется голова — открываются глаза, она жива!

ЧЕРТ (*поднимаясь на столе*) Где я? У-у, я все еще мерзну! (*к натуралистам*) Господа, я вас попрошу, закройте оба окна; я не выношу сквозняка.

1-й НАТУРАЛИСТ (*закрывая окно*) У вас, сударыня, вероятно, больные легкие?

ЧЕРТ (*слезая со стола*) Не всегда! Когда я сижу в хорошо натопленной печке, тогда нет.

2-й НАТУРАЛИСТ Что такое? Что? Вы, сударыня, сидите в натопленной печке?

ЧЕРТ Да. Я имею обыкновение иногда сидеть там.

3-й НАТУРАЛИСТ Редкая привычка! (*старательно записывает*)

4-й НАТУРАЛИСТ Ведь вы, сударыня, писательница? Или нет?

ЧЕРТ Писательница? Это еще что такое? Этих женщин черт иногда бесит, но да сохранит Бог черта от того, чтобы они стали чертями.

НАТУРАЛИСТЫ (*все вместе*) Так значит черт? (*хотят убежать*)

ЧЕРТ (*в сторону*) Ну, теперь я должен врать, врать, сколько влезет! (*громко*) Господа, господа, куда же вы? Успокойтесь, пожалуйста! Я думаю, вы не станете же убежать от маленькой шутки? Я позволил себе пошутить над собственным именем (*натуралисты возвращаются*) Меня зовут Чертом, но я не черт.

1-й НАТУРАЛИСТ С кем же мы имеем удовольствие...

ЧЕРТ Теофил Христиан Тейфель, каноник при дворе князя Х., почетный член Общества распространения христианской религии среди евреев, кавалер папского ордена за заслугу. Орден я получил недавно, именно в средние века,

за поддержание всякой сволочи в постоянном страхе.

3-й НАТУРАЛИСТ В таком случае вы в очень уж почтенном возрасте?

ЧЕРТ Ошибаетесь. Мне около 11-и лет.

3-й НАТУРАЛИСТ (ко второму) Э, да это величайший враль, какого только я видел когда-либо!

2-й НАТУРАЛИСТ (третьему) Как таковой, он будет очень нравиться дамам.

(Черт все ближе подвигается к свече и, наконец, всовывает палец в пламя).

1-й НАТУРАЛИСТ Господи Боже, г-н каноник, вы держите палец на огне!

ЧЕРТ (в смущении отдерживая руку) Да, я люблю, иногда, подержать палец на огне.

3-й НАТУРАЛИСТ Редкий случай! *(старательно записывает)*
(Входят Барон, Лидди, Вернталь и Трутка)

4-й НАТУРАЛИСТ Ах, г-н барон и с ним все общество!

1-й НАТУРАЛИСТ (обращаясь к входящим) Господа, позвольте вам представить каноника Теофила Тейфеля, который в средние века получил от папы орден за гражданские заслуги; охотно сидит в хорошо натопленных печках и с удовольствием держит палец в огне.

ТРУТКА А, г-н каноник, вы появились очень кстати, чтобы обручить прелестную Лидди с г-ном фон Вернталь.

ЧЕРТ (в смущении) Обручить? Я? *(вполголоса)* Разрази меня гром. Я не знаю церковных формул!

ЛИДДИ Не говорите так страшно, каноник! Мы можем подождать с обручением еще добрых несколько месяцев.

ВЕРНТАЛЬ Как можете вы приказывать мне так долго ждать эту руку, которую я с такой тоской прижимаю к губам?

ЛИДДИ *(отдергивая руку)* Г-н фон Вернталь, оставьте меня в покое! Я так не люблю ваших шуток.

ВЕРНТАЛЬ О, дорогая Лидди, я благодарю вас так безгранично, что...

БАРОН *(спешит угостить его табаком)* Не угодно ли табачку, г-н фон Вернталь. *(Вернталь нюхает и чихает)*

(Черт в это время опять подошел к огню и воткнул палец)

НАТУРАЛИСТЫ *(которые следили за каждым его движением, вскрикивают в один голос)* Смотрите, смотрите, господа, каноник опять держит палец в огне.

ЧЕРТ А, если так!.. (правой рукой вырывает у себя левую руку, бьет ею натуралистов и прогоняет их за дверь; потом прикрепляет руку и возвращается к обществу).

ТРУТКА Сударь, сударь! Что вы прикажете думать о себе? Вы вырываете руку, а потом снова надеваете ее, как чулок. Ей-Богу, в поэзии это было бы слишком смелым, а что же в действительной жизни!

ЧЕРТ Вас пугают мелочи! Ничего, кроме маленькой ловкости! Я учился в ххх университете, где на лекциях можно между прочим почерпнуть сведения и касательно таких вещей.

СЛУГА (в двери) Бакалавр желает, чтобы его допустили сюда. Он привел с собой гения, которого хочет представить.

БАРОН Скажи этому пропойце, чтобы убирался он вместе со своим гением ко всем чертям.

ЛИДДИ Дядя, вы портите наше развлечение. Бакалавр — самая веселая шельма из всех, какую я знала, а при своей глупости, в которой его подозревают, он великолепно знает, что делает. Он отыскал, вероятно, на деревне какого-нибудь отчаянного дурака и представит его нам, как великого поэта, причем самым бессовестным образом будет сравнивать его с Гомером и Ариостом.

БАРОН Ну, так пусть войдет. (Слуга уходит) Но вы, г-н каноник, немножко прижмите его!

ЧЕРТ Я уж его заберу на молитву, барон.

ВЕРНТАЛЬ (Лидди) И всегда вы каждому...

БАРОН Табачку, г-н фон Вернталь? (Вернталь нюхает и чихает)

ЛИДДИ Бакалавр наверно принес с собой новый запас селедок.

ТРУТКА Ах, эти проклятые сельди! (выходит нахмурившись)

БАРОН Что означают эти сельди, несносная племянница? Трутка очень заметно обиделся.

ЛИДДИ Терпение, дорогой дядя! Ты скоро узнаешь из уст самого бакалавра.

(Входят бакалавр и Богумил)

БАКАЛАВР (с глубоким реверансом) Имею честь, а также...

ВЕРНТАЛЬ Бог ты мой! Что это за странная клякса у вас на лице, г-н бакалавр?

БАКАЛАВР (деланно улыбаясь) У меня? Клякса? Неужели? Вы сами, господа, можете оценить, что такое прилежание — старание...

ЛИДДИ Не беспокойтесь! Мы знаем, что это значит. Вчера после заката солнца вам, вероятно, пришла в голову какая-нибудь великая мысль, и так как у вас под руками белой бумаги не оказалось, вы быстро записали свою мысль на лице.

БАКАЛАВР Вы угадываете очень недурно...

ЛИДДИ Или, может быть, вы случайно взглянули в зеркало и собственная физиономия показалась вам слишком отвратительной, так вы ее перечеркнули.

БАКАЛАВР Ах, вы становитесь колкой, очень колкой. Чернила — это подлинная кровь сердца ученого, и горе тому ученому, у которого кровь сердца ляжет на лице, ибо это выглядит противно, некрасиво и делает черные пятна.

БАРОН И ВЕРНТАЛЬ Потешный педант!

ЛИДДИ *(шепотом бакалавру)* Шутки в сторону! Старуха Мария получила деньги?

БАКАЛАВР Да, барышня, и при этом она плакала от радости.

ЛИДДИ Тише! Вот вам еще один луидор. И скажите ей, что я сама сегодня вечером зайду к ней.

(Черт, который в это время опять подошел к огню, начинает плакать и всхлипывать).

БАРОН Смотрите, что это сделалось с каноником? Всхлипывает, как маленькое колесо.

ВЕРНТАЛЬ Действительно, у него по щекам струятся слезы.

БАКАЛАВР Каноник?! Богумил, поклонись!

ЛИДДИ Что с вами, дорогой каноник?

ЧЕРТ И вы еще можете спрашивать? Здесь произошло нечто благородное.

БАРОН Нечто благородное?

БАКАЛАВР Г-н каноник не ошибается, Лидди дала мне сейчас луидор для больной Марии.

ЧЕРТ Ведь я сказал!

ВЕРНТАЛЬ И поэтому вы начали плакать?

ЧЕРТ Да, это меня настроило меланхолически.

ЛИДДИ Успокойтесь. Это не повторится уж скоро.

БАРОН Это что-то очень странное у вас, каноник.

ВЕРНТАЛЬ Что же вы скажете на это, г-н бакалавр?

БАКАЛАВР Уважаемый каноник, вероятно, очень чувствительно настроен.

БАРОН “Чувствительно настроен?” — Откуда вы выкопали это пошлое выражение?

БАКАЛАВР Я его вычитал в великосветской газете.

БАРОН Великосветская газета? А у вас она откуда?

ЛИДДИ А теперь, дядя, помните вы сельди, от которых убежал эстетический Трутка?

БАКАЛАВР Видите ли, барон, это дело приблизительно таково. У меня в городе есть дальний родственник, г-н Пфен-игшлюкер, который торгует дратвой, резными камнями, оружием, рыбой и старыми штанами. Торговля очень прибыльная.

БАРОН Верим охотно.

БАКАЛАВР Так вот этот-то человек имеет обыкновение присылать мне через каждые две недели сверток полусгнивших селедок, за которые я плачу смешную цену, 14 грошей. Каждую селедку купец старательно завертывает в чистые листы самых скверных стихов и газет. Таким образом, я бываю всегда более или менее знаком с нашей современной литературой.

БАРОН Ха, ха, ха! Селедочная литература!

БАКАЛАВР Этим манером я получаю стихи *Августа Куна*, рассказы *Круга фон Нидда*, звуки варгана или лиры *Теодора Гелля*, а также трагедии некоего *г-на фон Гоувальда*.

ВЕРНТАЛЬ Бог ты мой, все — дамские писатели, все — любимые дамами авторы.

ЛИДДИ Г-н фон Вернталь, если называть бездарнейших писак, как это теперь в моде, писателями для дам, — это не значит сказать комплимент нашему полу.

БАРОН Не сердись, Лидди, на г-на Вернталя. Подумай только: Гоувальд! Остроумный, печальный и больной Гоувальд, обернутый вокруг селедки! Что за унижение!

БАКАЛАВР Это не унижение, барон, а улучшение! Почтенному писателю хотелось иногда сатиры. Недавно он написал пародию на “Вину”, которая, несмотря на все свои недостатки, кажется мне еще слишком хорошей, чтобы рецензенты могли понять ее. Труд г-на Гоувальда назывался, если память меня не обманывает, “Мышеловкой” и имел в самом деле много тривиальности, но ни крупинки соли. С того же времени, как мои селедки сжалились над ним, он пропитался солью насквозь, так что даже Мюльнер, если бы взял его в рот, должен был бы воскликнуть: “За всю мою жизнь я ничего не пробовал такого соленого”.

БАРОН Брависсимо, бакалавр! Вы мне нравитесь! Но, скажите, как вы, сидя в деревне, доходите до этих сатирических воззрений на современную литературу?

БАКАЛАВР *(кланяясь в сторону Лидди)* Вот моя учительница. Когда прошлой зимой барышня болела, я каждый вечер читал ей новые произведения, и хотя она тогда приказала сжечь большинство книг, я все-таки многим воспользовался.

ЛИДДИ Вы мне делаете слишком много чести, г-н бакалавр!
(Во время всего этого разговора черт проскользнул в сторону. С злорадной улыбкой он изломал один из стульев, бросил обломки в камин, развел огонь, поставил перед камином ширмы и спрятался за ними)

ВЕРНТАЛЬ *(заметивший первый отсутствие черта)* Но куда же девался наш каноник?

БАРОН Должно быть, сбежал. Может быть, и он один из числа этих писак.

БАКАЛАВР Да, да, вероятно, и он когда-нибудь будет обернутым вокруг гнилой селедки.

БАРОН *(сердито)* Вся июльскую книжную ярмарку следовало бы обернуть вокруг этих сельдей! Еврейские пузыри, все воспитание которых состоит в пожирании свинины, взбираются на судейские трибуны и не только восхваляют до небес банальных лавочников, но еще осмеливаются затрагивать своими похвалами достойных всякого уважения людей! *(Лидди разговаривает в стороне с Вернталем. Барон раздражается еще сильнее)* Кузнецы рифмы, глупые до такой степени, что если какой-нибудь их свисток дойдет до публики, эти ослы поднимают себе цену и называются хорошими поэтами; актеры, такие скучные, что все аплодируют от радости, когда они уходят со сцены, присваивают звание интеллигентных артистов; бездарности, с голосами острыми до того, что ими можно было бы резать хлеб, называются у нас истинными драматическими певцами! Муза трагедии сделалась шляющейся девкой, которую берет первый встречный сопляк и плодит с ней пятиногих уродов-телят, таких отвратительных, что я должен жалеть несчастного, который их создал. Слова: гениальный, остроумный, глубоко чувствующий так опошлены, что предвину время, когда для посрамления в глазах всей страны будут на виселице самого отчаянного мерзавца

прибивать надпись: “NN — остроумный, чувствительный, знаменитый, гениальный!”.— О, когда же придет, наконец, великий гений, от головы до пят покрытый панцырем божественной силы, который, сжалившись над немецким Парнасом, прогонит этот сброд обратно в болото, из которого он выполз!

БАКАЛАВР Этот гений пришел, барон: вот он стоит перед вами; этот гений — Богумил.

ЛИДДИ *(хохочет)* Так это он!

БАКАЛАВР Это он, многоуважаемая, это он! Он недавно у своей собственной матери выбросил за окно все горшки.

ЛИДДИ Богумил, ты — гений?

БОГУМИЛ Я — я —я...

БАКАЛАВР Изумляйтесь, сударыня присутствию мысли, с каким он принимает живописную позу! Как чудесно он царапает виски! Ведь это точная проза Гогартовского “плачущего уличного мальчика”. Я всегда говорил, что в Богумиле дремлет большой талант к художественной драме.

БАРОН Художественная драма, бакалавр? Что это такое?

БАКАЛАВР Художественная драма — новость, барон. Дитя, которое охотно играет красками, радуется, когда находит их. Смысл этих драм состоит в том, что все в них должно быть художественным, начиная от действующих лиц, скорее наивных, дуралесов, получающих имена рыцаря Нанни, Ван Дика, Спиарозы, маркиза ди Сорренто и т.д.

БАРОН Что вы скажете, г-н фон Вернталь, на эту характеристику художественных драм?

ВЕРНТАЛЬ Я боюсь, что бакалавр представляет их себе более художественно, чем было это в намерениях автора.

ЛИДДИ Господа, вы не замечаете, что в комнате становится невозможно душно?

ВЕРНТАЛЬ *(который уже несколько раз вытирал пот со лба)* О да, чувствуется сильно увеличивающаяся жара. Почти получается впечатление, будто в комнате натоплено.

БАРОН Откуда же? Разве солнце топит печи.

ЛИДДИ Скажи, Богумил, кто из них прав?

БОГУМИЛ Да.

ЛИДДИ Ой, бакалавр, ведь это невозможный дурак!

БАКАЛАВР Дурак — гений, каких очень много в наше время. Он хочет быть понятым, он имеет глубину. Его произведения не бывают обернутыми вокруг гнилых селедок.

- ЛИДДИ Это говорит в его пользу, и, по крайней мере, свидетельствует, что он еще ничего не написал.
- ВЕРНТАЛЬ (*барону*) Господа, заметьте этот дым в комнате? Он-то уж, вероятно, не от солнца происходит.
- ЧЕРТ (*начинает петь в камине за ширмами на мотив рыбацкой песни Гете*)
 Ах, если б знал ты, как приятен
 Черту жар огня...
(протягивает последнюю ноту)
- БАРОН Черт возьми, ведь это голос кавалера папского ордена!...
- БАКАЛАВР (*бежит за ширмы, но тотчас же возвращается в величайшем ужасе*) Ну, ну! — что это творится!? Волосы поднимаются у меня на голове. Г-н каноник сидит в камине среди пылающего огня, глотает раскаленные угли и тянет такие трели, что упаси нас, Господи!
- ВСЕ Что такое?! (*быстро отодвигают ширмы. Видно, как черт вылезает из камина*)
- БАКАЛАВР Смотрите, смотрите, господа, откуда он вылезает! О!
- БАРОН (*черту*) Черт возьми, что за выходка? Вы с ума сошли? Сидеть в камине? Угли гло...
- ЧЕРТ (*в сторону*) Ну, теперь нужно быть на вершине своей славы и выворачиваться своим медным лбом. (*Бакалавру*) Ты, чертов хомяк! Как ты смеешь говорить, что я сидел в камине!
- БАКАЛАВР Господин...
- ЧЕРТ Теперь я непоколебимо верю, что пятьдесят бочек Данаид были пятьюдесятью бакалаврами, так как все должно наполниться, только такой истый труженик по части выбивания оплеух на детских лицах, как ты, никогда не наполнится. Каким образом, спрашиваю я тебя, бутылочная ты пиявка, мог бы видеть меня в камине, если б ты не был пьян до бессознания? Знай, что я сидел перед камином и дул в огонь.
- БАКАЛАВР Вот тебе и раз, г-н каноник!
- ЧЕРТ Что!? Ты у меня еще будешь разговаривать? Ты...
- ЛИДДИ Тише! Довольно уж этой брани.
- БАРОН Скажите, пожалуйста, чем вы натопили камин?
- ЧЕРТ (*с видимым удовольствием*) Прекрасным креслом, которое стояло там в углу.
- ЛИДДИ Это было лучшее кресло в доме.

ЧЕРТ Неужели? О, мои предчувствия! *(радуется)*

БАРОН А что если бы этого мошенника бросить в собачью яму?

ВЕРНТАЛЬ Я ничего не имел бы против этого.

ЛИДДИ Но, дядя! Этот человек только теперь начинает интересоваться меня. Я прошу, прикажи ему дать комнату в замке. За кресла, которые он изломал, я охотно заплачу.

БАРОН Ох, женщины! Вам каждое сумасбродство тотчас же забивает голову! *(Черт)* Если вам угодно остаться — в вашем распоряжении прекрасная комната.

ЧЕРТ Я принимаю ваше предложение и благодарю от всего... *(в сторону)* Что? Благодарить? Ведь это будет благородно! *(вслух)* Мне ваше предложение нужно так, как собаке пятая нога. Наконец, как можно принимать у себя в доме совершенно чужого человека, о котором ровно ничего не известно? Это скорее глупо, чем неосторожно! Но все равно. Где же тот дурак, который укажет мне мою комнату?

(уходит)

БАРОН *(Лидди)* Ну, твоего гостя с кашей не съешь.

ЛИДДИ Скажи лучше, которого и огонь не возьмет.

БАРОН Я боюсь, моя девочка, что ты и часа с ним не выдержишь.

ЛИДДИ Об этом не беспокойся.

БАРОН Он готов с своим высокомерием перейти всякие границы.

ЛИДДИ Тогда я велю выбросить его вон.

БАРОН О, ты всегда найдешь, что сделать. Твою руку. Мы велим подать нам кофе в саду.

ЛИДДИ Я сейчас приду.

(Барон и Вернталь уходят)

ЛИДДИ *(бакалавру)* Прошу вас: мелочь на утоление жажды. Не стесняйтесь, я знаю вашу слабость. Но вы сейчас же отнесите Марии луидор.

БАКАЛАВР Сию минуту, барышня.

ЛИДДИ До свидания. *(уходит)*

БАКАЛАВР Божественная девушка! А ты, мой Богумил, что скажешь? Тебя узнали, бедный мальчик. Радуйся, так велю всем великим умам. Даже Солон, Платон, Картуш, Робеспьер, Генрих IV и Калигула испытали подобную судьбу. Пойдем, мальчик, пойдем! Я запрю тебя на четыре дня в каморке и не дам ничего есть: это, быть может, сделает тебя еще более сосредоточенным, чем ты уже есть. *(Богумил орет, выходит с бакалавром).*

СЦЕНА 4.

Другая комната в замке. Входит Черт.

ЧЕРТ Подожди же, барон. Ты мне дал комнату в замке — я тебе отомщу. Лидди хочет выйти замуж за Вернталя и должна будет надеть чепец — сумею помешать этому — или я не черт! Я не понимаю, что это значит, щечочет у меня где-то на душе. Меня охватывает какое-то сомнение — какое-то сожаление — какая-то грусть! Бог меня возьми! неужели у меня с копыта слетела подкова? *(разворачивает платки, которыми у него были обернуты ноги)* Ох, даже слишком верное предчувствие. Подкова совершенно стерлась. Я еле могу ступать на копыто. Ой, ой!... Нечего делать, надо превозмочь себя и послать за кузнецом. *(Хлопает в ладоши)* Эй! кто там?

СЛУГА К вашим услугам, сударь.

ЧЕРТ Послушай-ка, любезный. Есть тут на деревне кузнец?

СЛУГА Целых два, сударь.

ЧЕРТ Ну, так иди и приведи мне того, который меньше смеется.

СЛУГА О, в таком случае, я приведу толстого Конрада; он совсем осовел с тех пор, как исправил шоссе. *(уходит)*

ЧЕРТ Бедный я, бедный! Как тут ловчее объяснить, почему у меня лошадиная нога? Несчастный я, несчастный... Но вот он уж идет. Смелей! Смелей!

КУЗНЕЦ Вы приказали...

ЧЕРТ Так вы этот... этот...

КУЗНЕЦ Я — кузнец из деревни. А где ж лошадь, которую нужно подковать?

ЧЕРТ *(вспыхнув)* Послушайте, я не... *(прикрывает рукой рот)* Осторожнее, голова! Прошу вас, садитесь, г-н кузнец, очень прошу. Вы женаты?

КУЗНЕЦ Разумеется.

ЧЕРТ Ваша жена, вероятно, превосходная женщина?

КУЗНЕЦ *(вздыхая)* Ну, у каждого свои изъяны.

ЧЕРТ *(тоже вздыхая)* Ах, да.

КУЗНЕЦ *(вставая)* Будьте добры, скажите мне...

ЧЕРТ Ах, вы торопитесь, вам очень некогда... Вы — отец семейства! Носите сапоги! Имеете ноги! *(застегивает у него жилетную пуговицу)* И у меня тоже, и у меня тоже нет лошадиных ног.

КУЗНЕЦ Верю вам, сударь, даже не глядя, верю.

ЧЕРТ Верьте этому всегда: взглянувши или не глядя. У меня нет лошадиных ног! — нет! Самое большее, так это может быть... *(говорит шепотом и произносит такие слова, как: "моральный", "благородный", "христианин" с величайшим усилием, беспрестанно чихая)* Господин кузнец, вы очень бла-бла...-благородный! но — морд — моральный!.. — воспитанный человек, очень набожный, трудолюбивый, усердно посещающий кир — киркут — кирху.. христианин. Вам я могу с доверием сказать *(старается спрятать левой ногой правую)* на правой ноге у меня копыто!

КУЗНЕЦ *(рассматривая с любопытством)* Что? Как? Копыто? А!?

ЧЕРТ Нет, нет, нет! Не столько копыто, сколько лошадиная ступня — или, вернее, нечто, похожее на лошадиную, или, скорее, на человеческую ступню — одним словом, несколько затвердевшая подошва, которая издали и при плохом зрении может производить впечатление копыта.

КУЗНЕЦ *(сгорая от любопытства)* Может быть, вы бы эту ступню, если можно...

ЧЕРТ Сейчас, сейчас, милый, дорогой кузнец! Сию минуту! *(снимает с ноги платки и показывает ее кузнецу; сам же, сгорая от стыда, закрывает лицо носовым платком)* Если бы вы прибили сюда поскорее какую-нибудь железку.

КУЗНЕЦ *(берет его ногу в руки)* Э, послушайте, да это не затвердевшая подошва, — это здоровенное копыто, каким ни одна лошадь — то есть вернее, ни одна душа человеческая похвалиться не может.

ЧЕРТ *(стыдливо шепчет из-под платка, которым он все еще закрывает глаза)* Подкуйте, подкуйте же поскорей!

КУЗНЕЦ К счастью, у меня с собой есть подкова величиной с канделябр. Приколочу ее так, что просто прелесть! *(подковывает черта)* Ну, теперь держится крепко!

ЧЕРТ *(радостно)* Держится?

КУЗНЕЦ Это стоит талер.

ЧЕРТ *(про себя)* Талер? Разве я с ума сошел? *(вслух)* Ах ты, разбойник, грабитель, да знаешь ли ты, кого ты подковал? Я — черт, мне *(кузнец убегает; черт кричит ему вслед)*, мне пять раз сто тысяч лет с чем-то, я уж поймал душу твоего деда, и надеюсь прийти и за твоей; я еще при жизни сверну тебе шею, если ты хоть слово пискнешь обо мне! И я еще буду платить тебе, висельник! *(переменяет тон)* А как

этот бедный грешник удирает, когда узнал мое настоящее имя! Но должен, однако, отдать ему справедливость: угодила он мне шибко. Подкова держится как живая! Меня охватывает приятное чувство силы (*гребет копытом*) Ну, а теперь, чтобы окончательно прийти в себя, надо с часок вздремнуть, а потом с особенным старанием примемся за расстройство этого брака. (*Садится на диване и вытаскивает из кармана книжку*) Как это хорошо, однако, что взял я с собой мое никогда неизменное средство для сна: “Мессиаду” Клопштока! Достаточно мне прочитать в этой книге две строчки, чтобы почувствовать себя сонным, как суслик. (*Раскрывает книгу*) Где мы остановились в последний раз? Ага, на странице 29-й! (*Читает две строки и засыпает*).

ДЕЙСТВИЕ 2

СЦЕНА 1

Зал в замке. Входит Черт с завернутым копытом.

ЧЕРТ Шляется здесь какой-то верзила, длинные пальцы его, кажется, без устали показывают на виселицу, на которой его когда-нибудь вздернут. Может быть, он пригодится для исполнения моего плана. А вот и он! Отойдем в сторону и послушаем, что он скажет?

БАРОН МОРДАКС Шикарная штучка эта Лидди и сильно мне по вкусу. Женюсь на ней или убью ее.

ЧЕРТ (*выходя из прикрития; в сторону*) Почтенный человек! (*вслух*) Граф Скотина, если не ошибаюсь?

БАРОН МОРДАКС Барон Мордакс, если у вас шкура не чешется.

ЧЕРТ Вы с ума сходите от молодой баронессы.

БАРОН МОРДАКС (*со стоном*) О, чрезвычайно.

ЧЕРТ Я ее дам вам.

БАРОН МОРДАКС Как?

ЧЕРТ Но оговариваю для себя одно условие.

БАРОН МОРДАКС Оговаривайте, что вам только угодно.

ЧЕРТ Прежде всего, вы должны приказать своему старшему сыну изучать философию.

БАРОН МОРДАКС Согласен.

ЧЕРТ Во-вторых, вы должны убить 13 портных.

БАРОН МОРДАКС Что ты смеешься надо мной, мошенник? Что за идиотское желание? Убить тринадцать портных! Почему же именно портных?

ЧЕРТ Потому что они — самые невинные.

БАРОН МОРДАКС Ах, вот что! Но тринадцать! Что за невероятное число? Ну, уж в крайней случае я готов свернуть шею семи, но ни одному больше.

ЧЕРТ *(обидевшись)* Вы думаете, что я, как цыган, буду с вами торговаться? *(хочет уйти)*

БАРОН МОРДАКС Подождите! Я убью девять, — одиннадцать, — наконец, двенадцать. Но от тринадцатого вы меня увольте. Это будет больше круглого числа.

ЧЕРТ Хорошо, я удовлетворюсь и этим, если вы изломаете тринадцатому хоть несколько ребер.

БАРОН МОРДАКС Ну, из-за нескольких паршивых ребер мы не будем ссориться. Но... но...

ЧЕРТ Еще “но”?

БАРОН МОРДАКС Видите ли, у меня новая тужурка и белый жилет: при стольких убийствах я могу слишком запачкаться.

ЧЕРТ Только это? Так ведь можно прикрыться салфеткой.

БАРОН МОРДАКС Ах, черт меня возьми! Резон! Ведь можно прикрыться салфеткой.

ЧЕРТ В таком случае я жду вас завтра возле лесной избушки в Шальбрунне. Там вы снимете салфетку и примете баронессу в свои объятия.

БАРОН МОРДАКС Ого — го — го! Для этого мне не надо будет салфетки. *(Уходит)*

ЧЕРТ Вот так повезло! — как говорит Октавий Пикколомини. Судя по моим физиономическим наблюдениям, с г-ном фон Вернталь дело тоже должно наладиться, потому что он выглядит точь-в-точь, как набожный Эней, когда вчера в полдень три тысячи лет тому назад, я встретил его убегающим от Дидоны.

(Входит Вернталь, разговаривая сам с собой)

ВЕРНТАЛЬ Итак, скоро свадьба. Моя невеста остроумна, весела и благородна. Но у меня есть 12.000 талеров долга, она же слишком умна для того, чтобы дать мне в руки такой большой капитал. Ах, если б она сидела на Лысой горе, а я нес на спине ее золотые мешки!

ЧЕРТ *(выходя из прикрытия; в сторону)* Тоже почтенный человек! *(вслух)* Ваш слуга, г-н фон Вернталь. Что у вас слышно?

ВЕРНТАЛЬ Ох, скверно, г-н каноник.

ЧЕРТ Сколько вы хотите за свою невесту?

ВЕРНТАЛЬ *(разражаясь гневом)* Послушайте, вы!

ЧЕРТ Я — страстный собиратель холостых жуков, и толстых трактирщиков, и молодых невест; за хорошей ценой не поскуплюсь.

ВЕРНТАЛЬ Гм! гм! Значит коллекционер? Вы не поскупитесь в хорошей цене. Так сколько вы дадите за Лидди? Она чрезвычайно красива.

ЧЕРТ За красоту уплачиваю 2.000 талеров конвенциональной монетой.

ВЕРНТАЛЬ Умна!

ЧЕРТ За это скидываю 5 грошей и 2 пфеннига, так как ум у девушки — порок.

ВЕРНТАЛЬ У нее изящная нежная ручка.

ЧЕРТ Значит она дает нежно пощечины. За это плачу 7.000 талеров золотом.

ВЕРНТАЛЬ Она еще невинна.

ЧЕРТ *(с кислой миной)* Ах, невинность здесь, невинность там! За это не дам больше 3 грошей и 1 пфеннига медью.

ВЕРНТАЛЬ Но кроме того у Лидди много чувства и воображения.

ЧЕРТ Чувство портит тело, а воображение создает голубые подковы под глазами. За весь этот товар я для шутки дам только 3 гроша.

ВЕРНТАЛЬ У вас довольно скверный вкус.

ЧЕРТ И наконец, чтобы вы не говорили о возможных моральных качествах баронессы, этих вещей не выносит мое здоровье, я заплачу вам еще 11.000 талеров голландскими рублями. И теперь спрашиваю, можете вы принять мои условия?

ВЕРНТАЛЬ Сколько же это всего выйдет?

ЧЕРТ *(считая на пальцах)* За красоту — 2.000 талеров конвенциональной монетой, за невинность 3 гроша 1 пфенниг медью, за нежную ручку — 7.000 талеров золотом, за чувство и воображение — 3 гроша для шутки, за умолчание о моральных качествах лица — 11.000 талеров голландскими рублями. Всего: 20.000 талеров 3 гроша и 4 пфеннига. Из

этого долой: 5 грошей 3 пфеннига за ум; остается чистым: 19.999 талеров 22 гроша и 2 пфеннига.

ВЕРНТАЛЬ Давайте руку, г-н коллекционер невест и жуков! Когда ж я получу денежки?

ЧЕРТ Сейчас! Но только прежде вы должны пообещать мне, что завтра вы заманите Лидди к лесной избушке в Шальбрунне, что сумеете устроить так, чтобы ее не провожали служанки, и не будете стараться узнать, кто там похитит барышню.

ВЕРНТАЛЬ Согласен на все, кроме заманивания баронессы в Шальбрунн, так как это могло бы кинуть на меня подозрение. Я бы вам советовал подговорить эстета Трутку, чтобы он убедил Лидди проехать в ту сторону. Он страстно зачитывается произведениями неоромантической школы и до безумия любит одинокие лесные избушки.

ЧЕРТ Попробую воспользоваться им. Но, однако, ввиду этого ограничения нашего договора, вы должны согласиться, что половину следуемой вам суммы я уплачу австрийскими бумагами.

ВЕРНТАЛЬ Однако же вы чертовски заядлый скопидом.

ЧЕРТ *(принимая это за комплимент, сконфуженно благодарит)* О, что вы... Я краснею. Действительно, я рад своему посрамлению, действительно, я очень охотно бываю скупым, с бешеным удовольствием подковываюсь, но все-таки не чувствую себя достаточно заядлым скопидомом. *(Уходит с Вернталем)*

СЦЕНА 2

Комната Трутки.

ТРУТКА *(сидит за столом и жаждет творить)* Ах, эти мысли! Рифмы есть, но мысль, мысль! Вот я сижу, пью черный кофе, грызу перо, пишу, зачеркиваю и не могу найти ни одной мысли! Гм! Как ее поймать? Стой, Эврика! Что за идея блеснула у меня сейчас! Фантастично! Божественно! Я напишу сонет о мысли, что я не могу найти мысли, и ей-Богу, эта мысль о безмыслии — гениальнейший помысл, какой только мог блеснуть у меня! Я срифмую произведение именно о том, что ничего не могу произвести! Как это будет остроумно, как оригинально. *(Бежит к зеркалу)* Честное слово, у меня гениальное выражение лица! *(Садится к столу)* Ну, теперь начнем! *(пишет)*

Сонет.

Я за столом сижу, перо в зубах терзаю,
как...

Что? Что такое, выходит похоже, как я, сидя, грызу перо?
Где мне взять подходящее сравнение? Побегу разве к окну
и взгляну на двор, может быть, увижу случайно что-ни-
будь подходящее. *(Открывает окно и смотрит)* Там вон под
забором сидит мальчик... Нет, это не подходит! А вон там
на скамейке сидит нищий и грызет кусок сухого хлеба.
Нет, это было бы слишком тривиально, слишком обыкно-
венно! *(Закрывает окно и ходит по комнате)* Гм, гм! Неуже-
ли действительно ни одна мысль не придет мне в голову?
Перечислим по очереди все, что грызет и жует. Кот гры-
зет, хорек грызет, лев... Эврика! лев! Что грызет лев?
Грызет овцу, вола, козу, коня. Стой! Коня! Что для коня
грива, то для гусиного пера бородака: следовательно,
сходство довольно близкое. *(С радостным криком)* Победа!
Вот образ! Смелый, новый, кальдероновский!

Я за столом сижу, перо в зубах терзаю,
как — *(дописывает)* — лютый лев, пока день не забрежит,
коня, терзая быстрое свое перо, скрежещет.

*(читает две дописанные строчки шепотом, затем вслух, за-
тем прищелкивает языком, очевидно, наслаждаясь ими)*
Нет, нет! Такой метафоры еще никогда не было. Меня пора-
жает собственная поэтическая мощь. *(С наслаждением це-
дит сквозь зубы чашку кофе)* Конь — львиное перо! и еще
эпитет “быстрое”. Как это неслыханно метко! Какое же
перо может быть быстрее коня? А слова: “пока день не за-
брежит”. Разве они не прямо-таки гомеровские? Они,
правда, не нужны там, но, однако, они создают самостоя-
тельный образ; возвышают его до малого эпоса! О, я дол-
жен еще раз посмотреться в зеркало! *(Смотрится)* Ей-Богу,
высоко гениальное лицо! Нос, правда, велик, но это так и
должно быть по носу гения!

(Входит Черт)

ЧЕРТ Bonjour, г-н Трутка.

ТРУТКА *(поворачивается и уж хочет ответить на приветст-
вие, как вдруг замечает копыто, с которого в эту минуту
свалились платки)* Всемогущий Боже — черт! *(хочет про-
скользнуть мимо него боком, чтобы добраться до двери).*

ЧЕРТ (Увидев свое обнаженное копыто, бешено бьет им) Отвратительная неосторожность! (Трутке) Не пугайтесь. Я читал ваши произведения.

ТРУТКА (Делясь сразу сговорчивым) Вы действительно читали?

ЧЕРТ Да. И нравились они мне страшно.

ТРУТКА (Теперь с полным доверием) Вы награждаете меня похвалой, которой в действительности.. Вы сами тоже пишете?

ЧЕРТ Я...

ТРУТКА (Не дав ему кончить) Вы должны писать! Только попробуйте! Вы будете писать чудесные поэмы!

ЧЕРТ (В сторону) Потому что похвалил твои.

ТРУТКА Только я вас попрошу, подписывайте под стихами не свое имя, а какое-нибудь другое. Не потому, что вы, по теперешней моде, стыдились бы своих произведений, а чтобы скрыть характерность своего имени. Если, например, некто, у кого голова полна мрачных и слепых закоулков, может называться ясным, то почему не можете вы титуловаться ангелом, небом или добродетелью?

ЧЕРТ Г-н Трутка, вы даете мне спасительный совет! Впрочем, уж не одно из моих произведений увидело свет, хотя бы например недавняя французская революция, трагедия в четырнадцать годах с прологом Людовика XV и хорами эмигрантов. Пьеса была принята очень скверно, главным образом потому, что гильотинировала критиков. Не могу я также, несмотря на тайные усилия многих моих друзей, поставить ее во второй раз в Пруссии, Австрии или Англии. Цензура там очень суровая. Однако ж я имею надежду, что с небольшими изменениями она увидит свет на рампы в Испании, если только князь д'Ангулем не выпьет до дна моего горького испанского винца. В настоящее время я работаю над фарсом под названием: "Борьба Греции за независимость", сочинение автора французской революции. Выпущу я его в издании турецкого султана.

ТРУТКА Ваши произведения, которые, как оказывается, я знал давно, не зная, что вы их автор, ваши произведения, говорю я, представляют из себя нечто громадное, г-н Черт! Но однако неправдоподобности и свободы касательно места и времени, какие вы позволяете себе, слишком

велики. И, наконец, стихи! стихи! Размер и мировоззрение в этих произведениях указывают до некоторой степени...

ЧЕРТ А вы знаете, что такое мир?

ТРУТКА Что за вопрос? Мир — это соединенное представление обо всем, что существует, начиная от крохотного червяка и кончая наиболее необъемлемой солнечной системой.

ЧЕРТ Знайте же, что это соединенное представление о мировой жизни, которое вы величаете титулом мира, есть ничто иное, как посредственная комедия, состряпанная во время школьных каникул безусым и желторотым ангелом, — ангелом, если не ошибаюсь, из восьмого класса гимназии, живущего в мире, все-таки не понятом людьми. Экземпляр, в котором мы находимся, дает книжный магазин в X.; в настоящее время его читает красивая дама, которая знает автора, и еще сегодня, т.е. за шесть триллионов лет, выскажет за вчерашним чаем свое мнение о книжке.

ТРУТКА Послушайте, я с ума сойду! Если мир — комедия, то что же в таком случае ад, который ведь тоже находится в мире?

ЧЕРТ Ад — это иронический отрывок упомянутой пьесы, который удался восьмикласснику, как это обыкновенно бывает, лучше, чем небо. Небо же должно быть спокойной частью произведения.

ТРУТКА Неужели же ад не представляет ничего больше? Но как же — как вы караете преступников?

ЧЕРТ Над убийцей мы смеемся так долго, пока сам он не начнет с нами смеяться, что дал себе труд уничтожить человека. Самым тяжелым наказанием для осужденных на вечную муку является обязательное ежедневное чтение “Вечерней газеты” и “Вольнодумца” с лишением права наплевать на них с отвращением.

ТРУТКА Да, я вижу, г-н Черт, что в аду знают не только мои стихи, но даже всю немецкую литературу. Чем это объясняется?

ЧЕРТ Очень просто. В ад попадает не одно только зло, но и все пошлое и тривиальное: почтенный Цицерон сидит возле злого Катилины. Но так как теперь самой пошлой из всех бездарностей является современная немецкая литература, то мы занимаемся ею преимущественно.

ТРУТКА Гм, если немецкая литература составляет в аду главное занятие, то какими же удивительными должны быть ваши второстепенные дела?

ЧЕРТ В свободное время мы выделяем из невидимых, а следовательно прозрачных духов, стекла для окон или для очков. А вот, например, недавно, когда моей бабушке пришел в голову удивительный каприз увидеть подлинное ядро добродетели, она надела себе на нос двух философов: Канта и Аристотеля. А так как от этого в глазах у нее делалось все темнее, она вместо них взяла для лорнета двух мужиков-поморов, благодаря чему она стала видеть так отчетливо, как только ей хотелось.

ТРУТКА (*всплеснув руками*) Неслыханное, удивительное дело! Скажите, вы там знаете что-нибудь о небе?

ЧЕРТ Почему же нет? Недавно много было у меня хлопот с Самизем из «Вольного стрелка», который пришел в ад и непременно хотел подружиться со мной; но за добро, сделанное им при жизни лесничему Максусу, я принужден был однако силой вытащить его на небо. Он сильно упирался, но, наконец, когда я продел ему сквозь ноздри железное кольцо, он глухо сказал: “Это припомнится!”. У ворот неба принял его с распростертыми объятиями Сократ и повел поскорее к парикмахеру, чтобы он сбрил себе бороду и принял хоть немного цивилизованный вид.

ТРУТКА О, если вы так знаете небесные дела, заклинаю вас, скажите мне, что делают те бессмертные рыцари добра, которых я избрал путеводными звездами моей жизни и моих произведений. И прежде всего, что делает этот высокий образец дружбы, божественный маркиз Поза?

ЧЕРТ Вы имеете в виду маркиза, который выступает в “Дон-Карлосе”?

ТРУТКА Да, мальтийца.

ЧЕРТ В таком случае вы сильно ошибаетесь, он сидит у меня в аду.

ТРУТКА Что такое?

ЧЕРТ Да, да, мой дорогой. Подобно тому, как Самизел удивился, когда ему велели идти на небо, так маркиз Поза обалдел, очутившись вдруг в аду. Но мы тотчас же отобрали у него его громовую трубу голоса и дали ему роль, к которой он проявлял большую склонность: он сделался суфлером и открыл пивную с вывеской: “Королева Елизавета”.

ТРУТКА Это невозможно, неправдоподобно. Поза — пивник! Я подумать об этом не могу!

ЧЕРТ Успокойтесь! Как кажется, он полюбил свою настоящую деятельность: он полнеет, жиреет, живот уж отвис у него..

ТРУТКА Маркиз Поза с отвисшим животом! А что подельвает другой высокий образец самопожертвования, благородный искренний художник Спинаяроза? Он, вероятно, заседает в первом ряду сияющих небесной славой, рядом с Курцием и Регулом?

ЧЕРТ О, нет, ошибаетесь и на этот раз. Спинаяроза исполняет обязанности маркера в пивной Позы; там он упражняется в самопожертвовании, в которое так охотно играл на земле, несмотря на то, что оно ему никак не удавалось. Теперь же, когда он подает гостям кувшин Мерзбургера, его полуоткрытый рот красноречиво свидетельствует, что отказаться от этого кувшина для него гораздо труднее, чем от деревянной Камиллы. Недавно он даже украдкой попробовал замочить уста в кувшине, но в это время Поза так ловко смазал его по уху, что он русский месяц об этом не забудет.

ТРУТКА Боже! Как человек ошибается! Поза дает пощечину Спинаярозе! Я просто теряюсь! А Камиллу вы называете деревянной! Неужели вы серьезно так думаете, г-н Черт? Ах, пожалуйста, как поживает это идеальное создание любви, которое даже в позднейшие, так называемые лучшие годы, когда сыну уж минула шестнадцатая весна, не забывает о любовнике и находит для него в своей груди сладкие вздохи, как восемнадцатилетний подросток? О, эта почтенная женщина вероятно витает вместе с Теклой и Юлией над болотами вечного счастья?

ЧЕРТ Да, она попала на небо и присоединилась к обеим девушкам. Но когда однажды Текла мысленно назвала ее “матерью”, эта почтенная особа так сильно обозлилась, что вскоре очутилась у нас в аду. Там она провела в одиночестве три недели, продолжая начатые еще на небе размышления: правильны ее взгляды или нет. Как вдруг однажды проходил мимо нее Фальстаф, как всегда томимый жаждой, и уж не знаю, как это случилось, но только принял он ее за стакан сиропа, схватил и выпил без остатка. Потом он жаловался мне, что сироп, вероятно, был не свежий, так как с ним случились страшные боли.

ТРУТКА Я уже не верю собственному мнению: я почти теряю смелость спрашивать еще. И все-таки, что поделывают мои любимые герои трагедий: Валленштейн Шиллера и Гуго Мюльнера?

ЧЕРТ Оба они в аду. Гуго, правда, умирая, думал, что небо раскрывается перед ним, но ему привиделось то, что у умирающего является весьма понятным. Правда, брат его вырвал из рук Херувима страшный меч мести, но не затем, чтобы отбросить его, а для того, чтобы собственноручно отрубить голову убийце. И если при этом он привлекал его улыбкой, он делал это, как тот, который смехом и кликом манит непослушного пса, чтобы затем оттрепать его побольнее. Что же касается Валленштейна, то мы, проэкзаменовав его, как следует, нашли в нем достоинства директора училища, поэтому мы немедленно поручили ему заведывание адской гимназией в Х. Мы были бы им в высшей степени довольны, если бы не один недостаток: сколько раз он поднимает палку, чтобы оттрепать ея какого-нибудь маленького лентяя, столько же раз кричит: “здесь не место, чтобы бить!” — “несмотря на это, пусть бьют!” — “однако я предпочитаю не делать этого!” и т.д. до тех пор, пока мальчишка не подцепит ему сзади бумажный хвостик.

ТРУТКА Черт меня... *(торопливо поправляется с поклоном)* Пусть г-н Черт будет добр взять меня, если изумление и удивление не стеснили мне дыхание! Но продолжайте! Что поделывают одинокие поэты? Шиллер, Шекспир, Кальдерон, Данте, Ариосто, Гораций?

ЧЕРТ Шекспир пишет объяснения к “Францу Горну”; Данте выбросил за окно “Эрнеста Шульца”; Гораций женился на Марии Стюарт; Ариосто купил себе новый зонтик; Кальдерон читает ваши стихи, велит вам очень кланяться и советует, чтобы вы вместе с Лидди посетили лесную избушку в Шальбрунне, так как этот одинокий домик лежит в истинно-романтической местности.

ТРУТКА О, я счастлив! Чрезвычайно счастлив! Я влезу на шпиг крыши! Кальдерон читает мои стихи! Кальдерон велит мне кланяться! Я от радости съем сальную свечку! Кланяйтесь тысячу раз г-ну делла Барка. Скажите ему, что я его неистовый поклонник, что я посету избушку вместе с Лидди, хотя бы я должен был переломить ей ноги, что...

ЧЕРТ Довольно! У меня нет больше времени! Если я вам когда-нибудь буду нужен, я живу, как вам известно, в аду. Отсюда из деревни, правда, туда немножко далеко, но если вы захотите попасть туда особенно скоро, поезжайте в Берлин, Дрезден или Лейпциг и спросите швейцара первой попавшейся гостиницы на улицах, посещаемых по вечерам. От этих гостиниц до Тартара будет много-много пять минут пути, а ведут к нему великолепные, чрезвычайно часто исправляемые шоссе. Но вечереет! Умеренного сна! *(хочет уйти)*

ТРУТКА *(удерживая его)* А прогос! Одно слово! не могу ли я узнать, для чего вы теперь вышли на землю?

ЧЕРТ Потому что в аду сейчас предпраздничная уборка: моют полы.

ТРУТКА Благодарю вас за любезный ответ. Сладкого сна!

ЧЕРТ Умеренного сна! *(Уходит)*

СЦЕНА 3

Пригорок у деревни. Входит Мольфельс.

МОЛЬФЕЛЬС Вот она, наконец, родная деревня! А вот серая церковная башня откликается на «Ангел Господень». Как приветливо звонит она мне после четырехлетней разлуки! И старый замок остался тем же: величественный и гордый, он господствует среди цветущих садов; в его огромных окнах играет пурпуром первый блеск вечерней зари! О, Лидди, Лидди! Как я люблю тебя! *(гневно)* Если бы только не был я так безобразно некрасив!

(Входит бакалавр, не видя Мольфельса)

БАКАЛАВР Тут я остановлюсь, отсюда буду смотреть на нивы моего школьного округа и распушу возжи моей патриотической фантазии. Как это все могло бы быть улучшено! Если бы мужики были обязаны ходить в школу до тех пор, пока чему-нибудь не научатся, они должны были бы еще и после конца мира доучиваться недель шесть на хлебе и воде. Затем, какое употребление можно было бы сделать из большого дубового леса, лежащего там, вдалеке? Когда же настанет это блаженное время всеобщего образования, когда весь этот лес срубят на школьные скамьи, скамьи систематически расставят по всем полям, сгонят на них

жаждущую знания молодежь и меня назначат директором всего этого? О, тогда с помощью воздушного шара я сделаю из солнца мою светлую кафедру, церковный шпиль я буду употреблять вместо пера, озеро в долине будет моей чернилницей, а ближние пригорки — куском солонины, поднесенной мне родителями и друзьями просвещения в знак благодарности. *(Глубоко задумывается)*

МОЛЬФЕЛЬС *(подходит и бьет его по плечу)* Вы погрузились в истинно педагогические мечты, г-н бакалавр?

БАКАЛАВР Г-н Мольфельс! Я ослеплен этой радостной неожиданностью! Как же вам понравилась Италия, страна, в которой камни говорят? На Венере Медицейской все еще не заметно следов старческого увядания? А...

МОЛЬФЕЛЬС Все это я расскажу вам при случае. А теперь, что у вас тут слышно? Все по-старому?

БАКАЛАВР Ничего особенного не произошло здесь во время вашего отсутствия, вчера приготавливали насос, чтобы предотвратить третьедьешовский пожар; а богач Варфоломей, женившись, наконец, на Катерине, которую он так трогательно любил, сделал теперь аналогию к своим штанам-куртку из оленьей шкуры; она несколько смягчает твердость кулаков его жены. Что касается моей нижайшей половины, то мне везло, как старику Гомеру: два года я не ел свинины.

МОЛЬФЕЛЬС Из чего вы заключили, что Гомер не ел свинины?

БАКАЛАВР Из того, что он так тонко ее описывает, г-н Мольфельс.

МОЛЬФЕЛЬС В таком случае вы должны безобразно описывать водку?

БАКАЛАВР Водку не обязательно, а добродетель.

МОЛЬФЕЛЬС Оказывается, нет правила без исключения. Но скажите, что слышно в замке? Что Лидди? Все весела?

БАКАЛАВР В замок прибыл печник, который выдает себя за каноника и претендует на потерю невинности уже за две недели до появления на свет. Наконец, веселость баронессы и колкий юмор ее дяди находится...

МОЛЬФЕЛЬС Пожалуйста! Взамен хороших новостей вот экземпляр “Воспоминаний” Якова Козанова де Зейнгальт. Хоть они шиты и в сафьян переплетены, но все-таки невозможно растрепаны. Я купил их у еврея, от которого не

мог иначе избавиться. За всем тем, они мне ни на что не нужны. *(Уходит)*.

БАКАЛАВР “Воспоминания” Якова Козанова де Зейнгальт? Этого Наполеона разврата? Этого генерала наиболее победных поражений? И что же я, ничтожный бакалавр, стану делать с ними? Ага, знаю. Я подарю книжку жене судьи в благодарность за присланный мне горшочек гороха. Она все понимает и сумеет основательно проштудировать Якова Козанову де Зейнгальт.

(Входит Товия)

Товия Добрый вечер, г-н бакалавр!

БАКАЛАВР Добрый вечер, г-н Товия! (В сторону) Черт возьми! Как тут избавиться от этого дурака?

Товия Ну, что поделывает Богумил? Были вы с ним в замке?

БАКАЛАВР Вы не слышали, г-н Товия, что около получаса тому назад в корчму прибыл дантист, который бесплатно рвет зубы?

Товия А, черт с ним! Посмотрите, у меня два ряда таких здоровых зубов, что можно на них вилы точить.

БАКАЛАВР Ну, так что же? Ведь рвут бесплатно. Нужно и это принимать в расчет.

Товия А, ей-Богу, правда! Хороша собаке и муха. Пойду и велю вырвать себе несколько коренных. *(Уходит)*

БАКАЛАВР О, блаженная наивность! Сладчайшая простота! Ты покинула роскошь городов и скрылась в избе мужика! Товия велит себе вырвать зубы, потому что получит это удовольствие бесплатно! О! о! о! *(Уходит)*

СЦЕНА 4

Комната в замке. Входит Лидди и барон.

БАРОН Позволь предостеречь тебя. Я не доверяю г-ну фон Вернталь.

ЛИДДИ У него есть свои недостатки, но что он имеет и достоинства мужчины, он доказал это недавно в поединке с графом фон Наубек.

БАРОН В поединке? Ого, вчера дрались на дуэли два молодых барича из-за того, что в то время, когда один уверял своей честью, что он уже несколько раз стоял у позорного столба, другой не хотел ему верить. Спокойной ночи! Что касается г-на Вернталья, я сказал свое. *(Уходит)*

Лидди Предостережения дяди начинают оказывать свое влияние. Вернталь не таков, каким я его считала в первые дни нашего знакомства. И странно, мне сейчас вспоминается некий г-н Мольфельс. Правда, у него было безобразнейшее лицо, как только можно себе представить, однако он был самый остроумный и самый милый человек, какого я знала. *(Входит слуга)*

СЛУГА Какой-то г-н Мольфельс ждет в зале.

Лидди *(удивленная)* Кто такой? Мольфельс? Каков он из себя?

СЛУГА Мы только что вытащили из замкового пруда семь старых баб, которые, взглянув на него, попадали со страху в воду.

Лидди *(в сторону)* Без сомнения, это он! *(Вслух)* Проси сюда. *(Слуга выходит)* Мне будет немножко трудно скрыть от него свое удивление. *(Входит Мольфельс)*

МОЛЬФЕЛЬС *(в сторону)* Вот я снова вижу ее! *(Вслух)* Сударыня, я возвращаюсь из Италии и спешу приветствовать вас.

Лидди Я приветствую вас в родном краю, приветствую сердечно. Вас не обманули ожидания? Как Рим?

МОЛЬФЕЛЬС Серые руины выглядывают из-за зеленых лесов, гулкие шаги раздаются по пустынным улицам, но слушая с Капитолия, со всем вымершим городом семи холмов перед глазами, замирающие где-то на далеком горизонте громы минувшей бури, чувствуешь особенное волнение, как если б стоял в такую минуту на церковной башне в Берлине.

Лидди Мне кажется, что в Риме даже мысль о смерти не должна причинять боли.

МОЛЬФЕЛЬС Правда! Там человек почти стыдится, что живет.

Лидди Вы видели во Флоренции моего брата.

МОЛЬФЕЛЬС Вот письма от него и его супруги.

Лидди Ах, дайте. *(Ломает печати)*

МОЛЬФЕЛЬС *(пристально вглядываясь в Лидди, пока она читает письма)* Что за прелестная женщина! почти слышна музыка ее движений. Как два одухотворенные керосинные огня, блестит неугасающее пламя ее очей, как озеро над своим дном колеблется ее грудь над сердцем! Счастлив избраннык, усталая голова которого может отдохнуть на такой груди! *(Нетерпеливо, проходит по комнате)* Пусть я буду проклят, если смогу дальше выносить это положение! Я, наконец, должен узнать, могу ли я надеяться, или же должен повеситься на первой попавшейся осине. Несмотря

на свое уродство, признаюсь ей в любви — и тогда пан или пропал! (*Подходит к Лидди*) Пусть не пугает вас мое предложение, так как я даже слишком хорошо понимаю, что моя особа пугает лошадей, что мои сапоги, несмотря на то, что в них торчат мои ноги, так пусты, как две дуплистых вербы, что мои уши...

Лидди Господи! Г-н Мольфельс, вы начинаете бредить?

Мольфельс А мой нос! Ого-го, мой нос! Все человечество вздрагивает; [пропуск в машинописи - А.Г.] как шкура тигра; красный, как лисица; плоский, как новелла Каролины Пихлер; и короткий, как секунда.

Лидди Как секунда! Как же длинна в таком случае ваша правая рука?

Мольфельс Как високосный год! Стоя, выпрямившись, я могу расстегивать у себя ботинки. Этот рост мой, конечно, не напоминает прусского гвардейца, а скорее приводит на память сны и мечты сержанта лейпцигской муниципальной гвардии. Черт должен знать, как мои руки научились бесконечной скромности: они делают из меня стереотипный комплимент и неутолимого исследователя собственных ног, которые можно бы недурно сравнить с двумя опухшими турецкими саблями.

Лидди Увольте вы меня от этих опухших турецких сабель и выведите меня, наконец, из изумления. К чему ведет это вдохновенное описание собственной персоны?

Мольфельс К тому, чтобы упасть к вашим ногам, к тому, что я боготворю вас, что я вас люблю!

Лидди Я должна вам признаться, что вы умеете ловко затягивать нить любовных объяснений! Вы по крайней мере предпосылаете им подробное описание своей наружности. Судя по этому описанию, я скорее предложила бы, что ввиду своих ног вы запишетесь в цех пекарей, чем будете объясняться мне в любви.

Мольфельс О, не разрывайте мне сердца моими ногами. Нет человека, который питал бы более злостную ненависть к этим двум универсальным средствам против любви! Если бы я, например, спас жизнь какому-нибудь хорошему человеку, который упал в болото, то он, взглянув на мои ноги, отвесит мне пощечину и убежит что есть духу! Несмотря на все, дорогая Лидди, сила страсти вынуждает меня высказать во второй раз мою любовную клятву; я зашел уж

так далеко, что стыжусь есть говядину с горчицей, так как это кажется мне слишком тривиальным для влюбленного. В моем любовном экстазе я написал трагедию, содержание которой слишком идиотское для того, чтобы я мог удержаться и не рассказать вам его сейчас. Итак: моим произведением вместо судьбы я велел управлять богине антифаталистов: скуке! При поднятии занавеса богиня чествуетя чтением отрывков из драматических произведений Эдуарда Геге. Вдруг из храма раздается приговор, что богиня уничтожает благородную княжну из Сальвавении. Толпа воет, колокола звонят, княжна стонет, будто черт уж хватает ее в когти; все в бешеном отчаянии бросаются к выходу, долой со сцены. Потом входит Оссиан и съедает бутерброд. Когда он кончает есть, вдруг переменяется декорация и представляется аудиенц-зала в царском дворце. Царь одет в наполеоновскую жилетку, а сильные мира сего стоят кругом в серых гамашах, расстегнутых в великом горе. В углу комнаты лежит пара разозлившихся друг на друга чулок, которые стараются отравить друг другу жизнь. Здесь же висит плюшевый кафтан и перелистывает Энциклопедию, попивая из чашечки чай. Но вот ползет жаждущее крови, мстительное, ипохондрическое перо для сметания пыли...

Лидди Остановьте его, справедливое небо! Я начинаю дрожать за свой рассудок.

Мольфельс Я хотел только показать вам, что мой ум пропал от любви.

Лидди Я надеюсь, что вы не принимаете слишком серьезно эту любовь, хотя бы потому, что я уже обручена с г-ном Вернталем.

Мольфельс О, пусть же после этого меня поглотит земля, я самый несчастный человек в мире! Обручена! Ей-Богу, слезы бьются у меня в глазах. *(Водит ладонью по лбу)* Если ... Если в этой тоске я покушусь на свою жизнь, то вероятнее всего, что я застрелюсь, так как, топясь, я мог бы получить насморк, а являться к судейскому трону Бога Отца с насморком, принимая во внимание чиханье, было бы слишком шумно и неприлично. *(Уходит)*

Лидди Этот человек мог бы нравиться женщинам больше, чем он сам предполагает.

ДЕЙСТВИЕ 3

СЦЕНА 1

Комната бакалавра, освещенная лампой. Кузнец и бакалавр разговаривают.

КУЗНЕЦ Да, г-н бакалавр, у него было лошадиное копыто и гривка над ним.

БАКАЛАВР Это черт, Конрад, черт собственной персоной! Можете прочитать в любой естественной истории, что черт имеет лошадиные копыта.

КУЗНЕЦ Да он и кричал мне вслед, что он — черт, и грозил свернуть мне шею, если я кому-нибудь об этом проболтаюсь.

БАКАЛАВР Ну, об этом вам нечего беспокоиться! Я вот на него имею другие планы. Что вы скажете на то, что вот мы бы с вами чертика этого поймали, посадили в клетку, да и стали бы возить его по ярмаркам и по праздникам, как морскую деву или, для того, чтобы сделать афиши еще более изумительными, как морскую вдову? Себе бы мы присвоили звание профессоров морской девственности.

КУЗНЕЦ Мы бы вскоре сделались тогда сумасшедшими богачами.

БАКАЛАВР Мы могли бы также преподнести его публике, как то, чем он есть, именно, как черта. Мы научили бы его танцевать: велели бы скакать с палкой в такт мелодии: “Как дивно нынче блещут зори по утрам!” и, наконец, для изумления зрителей, мы всадили бы ему, как дрессированному льву, голову в пасть.

КУЗНЕЦ Ну, этой штуке трудно будет его научить: у него довольно маленький рот.

БАКАЛАВР *(гордо шагая по комнате)* Достойный сожаления, неверный Фома! Моих учеников я выучивал вещам гораздо более трудным.

КУЗНЕЦ Э, я до сих пор как-то не заметил этого на своем Юрке.

БАКАЛАВР Ваш Юрка! Это тупое картофельное брюхо! С ним даже Конфуций, наверно, не знал, что такое свечка, напрасно жег бы свечи. *(Входит Маргарита)*

МАРГАРИТА Добрый вечер, г-н бакалавр! Барыня велела мне назвать вас бессовестным быком и бросить вам в нос присланные воспоминания Якова Казанова.

БАКАЛАВР (*собирая отдельные тома*) Гм, гм! Значит, эти книжки не годятся барыне для науки или для кухонных занятий?

МАРГАРИТА Ах, г-н бакалавр, какой вы глупый! Что эти вещи не для кухонных занятий, за милую всякая душа христианская слышит. Барыня бесится от злости.

БАКАЛАВР Гм, гм! Но я вижу здесь только три тома, а я послал барыне четыре: куда же девался четвертый?

МАРГАРИТА Как раз во время самой крепкой ругани барыня быстро спрятала этот четвертый том в ручной мешочек.

БАКАЛАВР Во время самой крепкой ругани, в ручной мешочек! Что за невозможное недоразумение!

МАРГАРИТА До свидания, г-н бакалавр! (*уходит*)

БАКАЛАВР Кузнец, кузнец, теперь уж я знаю, как мы поймем черта! Вы можете построить клетку?

КУЗНЕЦ Думаю, что сделаю ее хорошо.

БАКАЛАВР Так беги, лупи домой и сделай сегодня ночью клетку величиной с человека, с дверцами в пол-аршина. Я поставлю эту клетку завтра вечером в лесу, положу в нее воспоминания Якова Казановы де Зейнгальт, а сам спрячусь за деревьями. Такого прохвоста, как черт, всегда следует подозревать, что он ходит в лес красть деревья. Когда он придет, я надеюсь, что воспоминания Якова Казановы де Зейнгальт, которые, судя по тому, что жена судьи оставила у себя четвертый том, должны заключать в себе нечто исключительно греховное, приманят его в клетку той магнетической силой, какой зло притягивает черта. Тогда я выскочу, захлопну дверцы и засвищу сквозь пальцы.

КУЗНЕЦ (*видимо, желая сказать бакалавру чрезвычайно лестный комплимент*) О, г-н бакалавр, да вы обмозговали это истинно фило... фило... Ну..., как это...

БАКАЛАВР (*покровительственно хлопая его по плечу*) Говорится: философски, мой друг, философски. Немецкие филологи производят это слово от "viele Stvohwisch" что значит: много соломенных вех. Нужно только "e" в слове "viele" переменить на "o", "stvoh" читать как "so", вместо "ю" произносить "f" и слово "philosophisch" очень не философски, но зато истинно филологически будет выведено и произведено.

КУЗНЕЦ *(делая вид, что понял)* Совершенно верно, господин бакалавр. Выведено. Тут сидит заяц в перце, а там кот из горшка выглядывает. Офицер же, это опять нечто другое. Ого, мы кузнецы не глупы. Мы кузнецы, не глупы. *(Уходит)*

БАКАЛАВР *(надевая халат)* Поздно уж. Для подкрепления желудка налью-ка себе еще рюмочку, а потом скорее под перину. О, кто-то еще стучит? Войдите.

(Входят Трутка и Мольфельс)

ТРУТКА Вы уж собирались спать, г-н бакалавр? Нам очень неприятно, что мы помешали. Вы не знаете ли какого-нибудь средства против самоубийственных порывов? Г-н Мольфельс страдает этой болезнью.

БАКАЛАВР Если бы я смел советовать, то я предложил бы незаменимое в таких случаях успокоительное средство из восьми или двенадцати бутылок вина; они по крайней мере несколько отдалают зло.

ТРУТКА Вепе, г-н бакалавр. Дюжину вина. Живо. Закройте ставни. Мы сегодня устроим себе веселую ночку. Идет, г-н Мольфельс?

МОЛЬФЕЛЬС Да возрадуется ад. Страдание — это зеркальный соус радости, и я сделаю сегодня такое употребление из моего горя. Бакалавр, вина. Вот деньги. Если же я, несмотря на все, пожелаю упорно держаться своего намерения, то*завтра у меня будет достаточно времени, чтобы исполнить то, что я сегодня не исполнил.

БАКАЛАВР *(вдруг становясь подвижным, как кубарь)* Эх-ма. Вы изрекли рыцарские слова, г-н Мольфельс. Моей же идеей будет — притащить вино. *(Бежит к занавеске)* Богумил, Богумил, вылезай из постели. Раз, два. Надень фонарь, зажги штаны. Вылезай из постели. Вылезай скорей. Пойдешь со мной в корчму и поможешь мне нести вино.

БОГУМИЛ *(вылезает из-за занавески, заспанный, в откровенном неглиже; плаксиво моргает глазами)* Ги, гу, ги... Печка дымит... Турки трубят...

БАКАЛАВР Что ты, бродяга? Шарики у тебя в голове перевернулись? На, вот, вотри себе воды в глаза. Живо, живо. Где твои штаны, где камзол? На, надевай мою тужурку. Так. Видишь, как она величественно сидит на тебе. Как бархатное платье с хвостом. Ты выглядишь, как театральная королева. Идем, брат, идем, идем. *(Выбегают)*

МОЛЬФЕЛЬС Ха-ха. Трутка, эту сцену вы можете целиком втиснуть в одну из своих комедий.

ТРУТКА Г-н Мольфельс, в уме ли вы? Такой тривиально-комический выход? В настоящее время комизм должен быть тонким, таким тонким, что его совершенно незаметно. Если же зритель, несмотря на это, что-нибудь заметит, то тогда его удовлетворит не столько пьеса, сколько собственная наблюдательность, которая нашла что-то даже там, где решительно ничего не было. Да, наконец, немцы слишком воспитаны и рассудительны, для того, чтобы выносить смелый здравый юмор.

МОЛЬФЕЛЬС О, да, немец не смеется до тех пор, пока он не убедится, что сумеет дать себе формальный ответ в том, чему он смеялся.

ТРУТКА Поверьте, что если бы теперь кто-нибудь написал пьесу, до малейших подробностей основанную на высших началах, если бы он решился провести свои идеи смело и оригинально, большинство публики узнало бы о нем именно поэтому, не умея среди чащи деревьев разглядеть леса.

МОЛЬФЕЛЬС Вы, наверное, провалились уж с такой комедией, созданной во имя высших начал?

ТРУТКА Ах, не говорите: “провалился”, — это звучит слишком грубо. Лучше сказать, “упал”, — это во всяком случае выражение нежнее.

МОЛЬФЕЛЬС Могу я вам дать совет? В будущем пишите исключительно трагедии. Если только вы сумеете придать им надлежащую уверенность, вы будете упиваться аплодисментами. Прежде всего сюжет пьесы должен быть соответственно ничтожным и плоским, ибо в противном случае ни один близорукий бараний лоб не сумеет объять целого. Затем, вы не должны полагаться на ум и наблюдательность читателя даже в мелочах, а если, по несчастью, в целое впутается какая-нибудь выдающаяся сцена, вы сейчас же должны объяснить, какую она имеет цель, и в какой связи с целым ее надо понимать. Притом, ради Бога, все вместе мягко, ибо все мягкое нравится, хотя бы это был только жидкий кал. Вкусы дам помните всегда, как лучшее указание, так как, хотя ни один истинный поэт не признает их призванными судить о делах искусства, они теперь в его царстве составляют высшую апелляционную инстанцию. Что призвало их на этот высокий пост: слабые

ли нервы или ловкость в шипаньи корпии, до сих пор остается вопрос неразрешенным. Но вместе с тем достоверно, г-н Трутка, что если вы имеете в себе достаточно силы, чтобы низвергнуть одно из этих прав, то о вас сейчас же закричат, что вы — безумный, мечущийся куда ни попало, грубый фантазер, который в диком размахе соединяет вместе красивое с уродливым. Если бы Шекспир и Гомер встали бы теперь из гроба с своими творениями, следовало бы ждать приговоров критики, в которых “Илиаду” назвали бы безвкусной путаницей, а “Лира” сараем для бомб. Мало того. Вероятно нашлись бы рецензенты, которые дали бы Гомеру добродетельный и деликатный совет, чтобы он путем обработки и подражаний попробовал взобраться на высоту “Зачарованной розы”, а Шекспиру посоветовали бы, чтобы он учился познанию людей, усердно штудировав повести Гельмины фон Хези и Фанни Тарнов.

ТРУТКА (во время всей речи Мольфельса побрякивает и выражает жестами, что он не согласен с ним) Мои воззрения не позволяют мне поощрять ваши вылазки против всевозможных правил. Правила, по-моему, необходимы; они до некоторой степени — штаны гения. На чем же должен основываться писатель, по чему познавать самого себя, если в своем отношении к критикам он не...

МОЛЬФЕЛЬС Писатель должен основываться только на собственном таланте, познавая себя только по спокойному и ясному творческому самосознанию. Что же касается его отношения к критикам, то следует помнить, что критики в поте лица строят свои укрепления на пространстве величины их мозга, а следовательно, очень узком; появится же гений, увидит кругом жалкую тесноту, разрушит преграды и бросит их на головы критикующих господ с такой силой, что те завоюют. А толпа, услышав эти крики, в простоте душевной говорит: они критикуют.

ТРУТКА Гм, значит, каждый нелестно раскритикованный поэт мог бы найти в вас горячего защитника.

МОЛЬФЕЛЬС Как далек я от чего-нибудь подобного, доказывает уже то, что я неоднократно упрекал правительства в жестокости по отношению к публике и взывал к ним, чтобы они без колебаний повесили добрую половину поэтов за их негодные стихи.

ТРУТКА (с непонятым беспокойством) Нет, нет. Это было бы слишком. Вешать. Милосердный Боже, что за ужасная мысль... Генрих Дёринг, Фридрих Штейн... о, челюсти у меня трясутся, ей-Богу, у меня челюсти трясутся. *(Вздыхает с видимым облегчением)* Ах, наконец-то идет бакалавр с вином.

(Бакалавр и Богумил — оба нагруженные бутылками)

БАКАЛАВР *(поет)*

Бахус, Бахус вышний,
Бахус — это крепкий муж!

(к Богумилу) Пой же, глупый фитиль.

БОГУМИЛ *(пискливо)*

Бахус, Бахус вышний,
Бахус — это крепкий муж.

МОЛЬФЕЛЬС Ты, Богумил, так пишишь, что камни хотели бы иметь уши, чтобы заткнуть их.

БАКАЛАВР Хе, хе. Правда, у этого мальчугана миленький голосок. У меня уж есть двадцать два письма от сирен; они хотят пригласить его в свой хор; но я каждый раз отвечаю, что он еще слишком молод.

ТРУТКА Ну, длинноносый, довольно молоть языком. Стаканы на стол.

БАКАЛАВР *(ставит стаканы)* Есть.

ТРУТКА А теперь наливать.

БАКАЛАВР Терпение. Терпение. Одну минуточку! *(бежит к кровати, хватая простыню и обертывает ею голову).*

МОЛЬФЕЛЬС Что значит, черт возьми, эта идиотская чалма?

БАКАЛАВР Маленькая предусмотрительность, г-н Мольфельс, только предусмотрительность. Имея в виду падение на землю, я спокойно напиваюсь с повязанной головой.

МОЛЬФЕЛЬС О светлый испытанный практик. Как твой покорный ученик, я последую тебе тотчас же в твоих средствах безопасности.

ТРУТКА И я тоже.

(Оба срывают с кровати простыни и повязывают головы)

БАКАЛАВР Ей-Богу, три наших головы в этих уродливых простынях выглядят, как три несчастных мухи, которые попали в горшок с молоком.

МОЛЬФЕЛЬС Расскажите, бакалавр, какую-нибудь историю из времен вашей молодости.

ТРУТКА Во, во, во, что-нибудь из вашей молодости.

(Садятся к столу и наливают вино)

БАКАЛАВР *(пьет)* Finimus troes! Прошли золотые, телячьи годы. Богумил, где ты? Разинь рот, простофиля. Глоток онемеченного шампанского не может повредить твоему патриотизму. Итак, господа, рассказ из [пропуск в тексте — А. Г.] для педагога, который желает поддержать у своих воспитанников должное к себе уважение, и для супруга, которого жена мучает ревностью, как бы то ни было — вещь щекотливая.

МОЛЬФЕЛЬС Без предисловий. Вы любили. Сдать рапорт в своей первой любви.

ТРУТКА Ого, какой дрожью потрясает худого педагогического козла воспоминание о первой любви.

БАКАЛАВР О, вы прекрасные, полные солнечных грез, невозвратно минувшие дни, когда я... Господа, чокнитесь со мной — да здравствует Анна Медок.

МОЛЬФЕЛЬС и ТРУТКА Да здравствует.

БАКАЛАВР Извините, господа, пожалуйста, я ценю эту девушку так бесконечно, что выпивая за ее здоровье, не могу удовлетвориться одним стаканом. *(Выпивает один за другим шесть стаканов)*.

МОЛЬФЕЛЬС и ТРУТКА Bravo, бакалавр. И мы сумеем оценить Анну *(Тоже выпивают по 6 стаканов)*.

БАКАЛАВР Но раз мы все почтили Анну должным образом, я могу продолжать рассказ. Дорогое дитя было ангелом, а ее отец помощником инспектора в местной школе и слишком жалкий [пропуск в тексте — А.Г.]: Он носил парик с косичкой, за которым с утра до полночи гонялись все собаки и кошки, принимая его, очевидно, за гнездо водяных крыс. Его кожаные штаны, укороченные долгим существованием, сделались когда-то предметом спора между нашими историками, которые дебатировали о древнейших следах торговых сношений немецкого племени с чужими народами; определили тогда эти штаны как посмертный финикийский памятник.

МОЛЬФЕЛЬС Ого. Посмертный памятник! *(Пьют)*.

БАКАЛАВР *(Богумилу, который стоит бездеятельно в углу)* Ты — злостный, завистливый, хладнокровный, коварный щенок. Что ты стоишь в углу, как пень, и губой не шевельнешь? Хочешь остаться трезвым, чтобы потом осмеивать наше

пьянство? Выпей мне эту бутылку или иначе велю тебе отгрызть у себя локоть на левой руке.

(Богумил хватает бутылку и радостно принимается за нее)

БАКАЛАВР *(снова обращается к Мольфельсу и Трутке)* Итак, помощник инспектора был хищником, и мы, ученики, ненавидели его так же сердечно, как искренне любили его дочь. Так как я был развитым мальчиком, а он, скучая в долгие зимние вечера, в которые никогда не зажигал огня, искал коротающего время общества, я должен был приходиться к нему, как только спускались сумерки. И сидел я с ним и дочкой в темной комнате, имея его по левую, а ее по правую сторону. Цитируя ему, как попугай, отрывки из его уроков, я сжимал ручку дочери, а когда получал ответное пожатие, заходил дальше: обнимал рукой ее прекрасную шейку, трепал жабо на груди, щипал за затылок. На мое несчастье старик однажды занял ее место: я не заметил этой перемены и начал, по обыкновению, маневрировать руками. Правда, меня поразило, что на Анне было какое-то странное, плотно застегнутое на большие стальные пуговицы, платье, но, ослепленный любовью, я не обращал на это внимания. Г-н инспектор, будучи старым вдовцом, принимал эти мои ласки, очевидно, с сладостным чувством, так как не пошевелил пальцем и молчал как рыба. И только когда я шепнул ему на ухо: "Анна, Анна, отчего ты сегодня такая плоская, сморщенная, сухая и скверная", он, обиженный, должно быть, поношением своей красоты, взбесился и так сильно огрел меня по губам, что не только вывел меня из недоразумения, но на другой день все расспрашивали меня, не велел ли я случайно привить себе натуральных пощечин.

МОЛЬФЕЛЬС Великолепно, бакалаврище, великолепно. Щипать старого инспектора за камзол. О, прелесть, прелесть, прелесть.

БАКАЛАВР Да здравствует щипание.

МОЛЬФЕЛЬС *Vivat!* *(Пьют без счета)*.

БАКАЛАВР Ах, г-н Мольфельс, как у Трутки глаза пухнут.

ТРУТКА *(пьяный, хватает бакалавра за груди)* Скажи ты мне, разве нет, разве нет. Разве мои стихи — не избитая, бездарная мазня, на которую следует наплевать?

БАКАЛАВР Они стоят ровно столько, сколько стихи Элизы фон Гогенгаузен, урожденной Окс.

ТРУТКА Разрази меня, бакалавр, источи меня. Я — червь, я — жалкий идиот. В моих стихах нет свежести и силы, в моих мыслях нет смысла. Я — червь, я — ничтожный червь. Брось меня в помойку, бакалавр, брось меня в помойку.

БАКАЛАВР *(все пьет и понемногу также теряет сознание)* Не плачь, Труточка, и говори тихо, чтобы ночной сторож не услышал. Ты вошел в раж. Не правда ли, Мольфельс?

МОЛЬФЕЛЬС *(бросается бакалавру на шею)* Ах, моя Лидди, моя Лидди.

БАКАЛАВР *(женским голосом)* Ты изломаешь мне жабо на груди, дорогой Карл. *(Указывая на Богумила, который высовывается из угла с пустой бутылкой в руках)* Но спрячься скорей, спрячься, дорогой. Потому что идет отец.

МОЛЬФЕЛЬС Ты немного пьяна, моя Лидди?

БАКАЛАВР Увы, Карл, под хмельком я немножко.

ТРУТКА *(валясь на пол)* “О, непотребство, ты побеждаешь, а я должен погибнуть” *(Засыпает)*.

БОГУМИЛ *(взбираясь на колени к бакалавру и говоря ему прямо в лицо)* Ты — недобрый бакалавр. Бил ты меня, толкал ты меня, ругал ты меня. Я пьян. Теперь я тебя бью, я тебя толкаю. Видишь.

БАКАЛАВР О, мой почтенный отец. Прости. Я не могу иначе: или выйду за Карла, или должна буду умереть. О, не будь таким жестоким, великолепнейший из отцов. На коленях я умоляю тебя, не будь жестоким: не убивай твоей несчастной дочери!

МОЛЬФЕЛЬС О, да, барон, не убивайте нас, не омрачайте нашего счастья, временного и вечного.

(Богумил валится на землю).

БАКАЛАВР *(радостно)* Победа, победа. Он прощает, он валится на землю. Карл, Карл, приди в мои объятия. Мы можем свободно любить.

МОЛЬФЕЛЬС *(внимательно присматривается к Богумилу)* Когда я внимательно присматриваюсь к отцу, он кажется мне чертовски маленьким в сравнении с тем, каким он был раньше.

БАКАЛАВР Он вынес оспу, дорогой мой.

МОЛЬФЕЛЬС Ух, ух.

БАКАЛАВР Боже, о чем ты так вздыхаешь?

МОЛЬФЕЛЬС Горе мне, горе. Я боюсь, что свалюсь со стола.

БАКАЛАВР Против этого нет другого средства, как только поскорее влезть на стол.

МОЛЬФЕЛЬС *(взбирается на стол, чтобы не упасть с него и падает на пол).*

БАКАЛАВР *(раздирающе кричит, ломает руки над головой)* О судьба, судьба, неумолимая судьба. Никакая мудрость людская тебя не отклонит, ни один смертный не уйдет от тебя. Несмотря на то, что Мольфельс взобрался на стол, он, однако, должен был упасть с него. О ты, жестокое, как мрамор, твердое чудовище.

МОЛЬФЕЛЬС Что же мне никто не поможет подняться? Бакалавр. Лидди, Куда вы девались?

БАКАЛАВР *Zaure, vous pleurez?* Больно мне это. *Ma parole*, это мне больно. *Venez, ma chère!* На дворе темно, как в аду. Пойдем в костел, поиграем на органах. *(Берет Мольфельса под руку, и оба, шатаясь, уходят).*

СЦЕНА 2

Поляна на рассвете. Барон Мордакс выходит на прогулку, встречает 13 портных, закрывает себе грудь салфеткой и закалывает их всех по очереди.

СЦЕНА 3

Поле в деревне. Входят четыре натуралиста с окровавленными головами; у каждого из них в руке большой камень.

ВСЕ ВМЕСТЕ Мы умышленно разбиваем камнями себе головы для того только, чтобы наконец додуматься, кто такой этот так называемый каноник, который всовывает пальцы в огонь. О! О! О!

Один из них Только не сомневаться, господа. Наука призывает нас. Попробуем еще раз. Смелее. Еще раз побьем себе головы.

ВСЕ Да, еще раз побьем себе головы. *(Бьют себя камнями по голове так, что искры сыплются; не получают результатов и, ругаясь, уходят).*

(Входят бакалавр, Мольфельс и Трутка)

БАКАЛАВР Бешеная была эта ночь. Бешеная ночь. Когда я проснулся, я, к своему изумлению, лежал возле педали костельного органа.

МОЛЬФЕЛЬС Я сидел, как турок, с подогнутыми ногами на одном из гробов фамильного склепа баронов.

ТРУТКА А я, бакалавр, спал под вашим столом, рядом со мною храпел, как барсук, Богумил.

БАКАЛАВР По моему, разумеется, неплохому предложению, было бы недурно съесть общую раннюю закуску; она должна облегчить послеродовые боли пьянства, или, говоря по-немецки, прогнать катценяммер.

ТРУТКА Очень досадно мне, что я не могу составить вам компании, у меня не терпящее отлагательства поручение к баронессе. *(Уходит).*

МОЛЬФЕЛЬС Я с вами, г-н бакалавр. Идемте. У меня громадный аппетит. *(Уходят).*

СЦЕНА 4

Комната в замке. Входят Трутка и Лидди

ТРУТКА О, не отказывайте в моей просьбе: позвольте мне убедить вас поехать. Шальбрунн — это один из великолепнейших уголков земли: как пастушья хижина из Pastor fido Гуарини, в одинокой зелени дубового леса стоит сторожка; словно два длинных и текучих соловья, чирикают два журчащих ручья в окружающей тишине, а пленницы, как чувствительно выражается некий граф и вместе юркий поэт, пленницы цветут там среди зелени и тихо шепчут свои молитвы в сладком уединенном лесном умилении.

ЛИДДИ Нежно продекламировано, г-н Трутка! Как далеко отсюда до Шальбрунна?

ТРУТКА Меньше мили. Дорога идет через живописную местность, среди лесных пригорков и моря цветов.

ЛИДДИ Так будьте готовы, а кучер пусть запрягает. Через час мы поедем с дядей к сторожке. *(Выходит вместе с Труткой).*

СЦЕНА 5

Густой лес. Вечер. Входит бакалавр, неся на плечах огромную клетку.

БАКАЛАВР Солнце зашло, усталый мир надел звездный шлафрок, одна половина земли кажется мертвой, злая мечта

страшит беззащитный сон, чародейство начинает свою страшную службу у бледной Гекаты, испуганный воющим стражем ночи, волком, громадными шагами бандита крадется разбой, чтобы начать свое кровавое дело, кузнец сковал мне клетку: я поставлю ее здесь в чаше, издали эхо доносит удары топора — это черт крадет деревья, и я сильно ошибся, если бы магическое влияние трех томов Якова Казановы де Зейнгальт, изданных Вильгельмом фон Шуцом, не привлекло бы его сюда! Для верности я усилию эффект сочинениями покойного Альтинга и положу их на Казанове, как злой перец на кабаньей ветчине. *(Ставит в зарослях клетку, открывает дверцы, кладет вовнутрь Казанову и посмертные сочинения Альтинга, а сам прячется в стороне. Молчание. Входит Черт и нюхает).*

БАКАЛАВР Ага, уж явился! Как его колет в нос.

ЧЕРТ Я чувствую двоякую добычу: слева что-то отвратительное, развратное, справа — спившееся, бьющее детей!

БАКАЛАВР Поди к черту! Это намек на мою особу?

ЧЕРТ *(идя к Казанове)* Разврат сильно меня влечет *(поворачиваясь в сторону бакалавра)*, но пьянство тоже притягивает. *(Останавливается посередине)* Если б только знать, что из двух более неморально? *(Нюхает еще сильнее).*

БАКАЛАВР Ой, моя совесть!

ЧЕРТ Есть, наконец! Вот что, насквозь перепившееся и притом бьющее детей, в сто раз хуже, в сравнении с ним отвратительнейший разврат является истинной невинностью. *(Бежит в сторону бакалавра)*

БАКАЛАВР *(Убегаёт от него кругом, прячась за стволами деревьев)* Вот те и попал я в кашу! Не подумала моя душа, что она грешнее, нежели воспоминания Якова Казановы де Зейнгальт и посмертные сочинения Альтинга! Потому что ведь это только клевета злого г-на Мефистофеля! Слава Богу, у меня в кармане есть кусочек конфессионала, который я вчера спьяна вытащил. Нужно показать ему, это его сразу прогонит. *(Делает, что сказал).*

ЧЕРТ *(Фыркает и отскакивает назад)* Тьфу! Пьянство облагородилось щепкой конфессионала. Тьфу! Ну, в таком случае, я обращусь лучше к разврату, хотя он и более добродетелен. *(Жадно вскакивает в клетку; в то время, когда он взял в руки Казанову, прибегает бакалавр и захлопывает за ним дверцу).*

ЧЕРТ *(Вскакивает с криком)* Проклятие, заперли меня, я в заключении! *(С силой встряхивает решеткой)* Напрасно! Напрасно! Прутья спаяны накрест: ничего я не сделаю. *(Увидев Бакалавра)* А, это ты, шельма, бродяга, мошенник — нет, нет! Я хотел сказать: как это ты, дорогой, милый, добрый человек! О, выпусти меня, выпусти меня, почтенная душа!

БАКАЛАВР *Prosit, вкусное!* На сало ловятся мыши, а на Казанову и Альтинга черти. *(Берет на плечи клетку и уносит черта).*

(Барон Мордакс входит с разбойниками)

БАРОН МОРДАКС *(Откашливается, отплевывается и начинает речь)* Господа разбойники! Баронесса Лидди пребывает в настоящее время в сторожке в Шальбрунне. Так как упомянутая особа по своей воле моего предложения принимать не желает, я вынужден схватить ее. Вы начесали свои волосы на физиономии гуляк, чтобы я через вас не осрамился?

РАЗБОЙНИКИ Да, начесали.

БАРОН МОРДАКС Прекрасно. *(Уходят).*

МОЛЬФЕЛЬС *(Входит с тремя вооруженными слугами)* Шляются здесь в лесу подозрительные банды. Лидди теперь в Шальбрунне — я опасюсь, что на нее готовится какое-то покушение. Зарядите пистолеты! Может быть, выдастся случай вклепить в лоб какому-нибудь мошеннику.

(Заряжают и уходят).

СЦЕНА 6

Убогая комната в шальбруннской сторожке. Входят барон, Лидди и Трутка.

ЛИДДИ О, г-н Трутка, вы нас жестоко надули. Если здесь романтично, то... Дядя, дорогой, все тут пронизывает меня ужасом. Вели запрягать, чтобы убежать скорей из этого разбойничьего гнезда.

БАРОН Ты дрожишь, дитя? Что такое, это не в твоём обычае.

ЛИДДИ О, умоляю тебя, вели запрягать, вели скорее запрягать!

БАРОН Эй, вы! Хозяин! *(Входит хозяин)* Накормил ты моих лошадей?

ХОЗЯИН Я чужих лошадей не кормлю. *(Уходит).*

ЛИДДИ Старый медведь!

- БАРОН *(Выбегая за ним)* Дерзкий мошенник! Ты должен их накормить!
- ЛИДДИ Дядя, куда? Не слушает! Мчится вниз по лестнице. И хоть бы немного света в этой мрачной комнате! Г-н Трутка, где же вы?
- ТРУТКА *(Сдавленным голосом)* Я, Лидди, я...
- ЛИДДИ Боже, что это? Что за шум под полом?
- ТРУТКА *(Стуча зубами)* О, это, наверно, только мышь пробежала.
- ЛИДДИ О, я почти дрожу от собственного дыхания. Такого беспокойства я никогда не испытывала! Ах, наконец! Дядя возвращается со свечкой.
- БАРОН *(Со свечкой в руке; его быстрые движения обнаруживают в нем большое волнение)* Взгляните мне в глаза, г-н Трутка! *(Освещает его лицо)* Нет, вы ничего не знаете об этом. Я освобождаю вас от ответственности.
- ЛИДДИ Боже мой, да что все это значит?
- БАРОН Здешний хозяин — изменник и мошенник. Он впускает в дом шайку разбойников и отказывает дать мне лошадей.
- ЛИДДИ Господи! Мы погибли!
- БАРОН И не беда, если бы дело шло только о деньгах, но намерения грабителей касаются тебя, Лидди, тебя!
- ТРУТКА О, если так, спасите нас, спасите нашу жизнь! Утопающий и за бритву хватается. Если вы согласитесь предводителю этой шайки в приватной аудиенции, возможные последствия которой можно будет легко скрыть в так называемой поездке на воды...
- ЛИДДИ Молчи, несчастный рифмоплет, и спрячься за печкой вместе с своей жалкой жизнью! *(Выхватывает из волос шпильку)* Прежде чем кто-нибудь из этих бродяг коснется моей руки, эта шпилька десять раз пронзит мою грудь. Ну, дорогой дядя, забаррикадируем дверь! В опасности самый слабый часто бывает самым сильным.
- БАРОН Благородное рыцарское дитя! *(Загромождают дверь)*
- ЛИДДИ Нужно заставить ее столom.
- БАРОН Он слишком тяжел.
- ЛИДДИ Я сама перенесу его.
- БАРОН Лидди, Лидди, ты раздавишь себе грудь этой громадной доской. Бог ты мой, откуда берется в тебе столько силы?
- ЛИДДИ Возьми эту шпагу, а мне дай свой охотничий нож. Ага, вот шайка приближается!

(Барон Мордакс и его разбойники штурмуют дверь и после нескольких ударов вышибают ее; Лидди бросает в них охотничий нож; шайка на мгновение колеблется; через минуту слышен голос Мольфельса, летят пули, нападающие в страхе убегают; вбегает Мольфельс, за ним его слуги ведут пленного Барона Мордакса)

ЛИДДИ Мы спасены. *(Лишается чувств и склоняется в объятия Мольфельса).*

МОЛЬФЕЛЬС *(Барону, указывая на Мордакса)* Вот виновник гнусного нападения. *(Двое слуг вводят фон Вернталья)* А этого, которого мы нашли вблизи, по признанию Барона Мордакса получил за баронессу 20.000 талеров; при этом он предусмотрительно нагрузил оба кармана луком, чтобы выжимать им у себя слезы горя. *(Слуги выворачивают карманы фон Вернталья; множество луковиц падает на пол).*

ЛИДДИ *(Приходя в себя)* Так значит, г-н Мольфельс, вы из-за меня рисковали жизнью? Если моя рука может вознаградить вас, вот она!

МОЛЬФЕЛЬС Осчастливленный, я склоняюсь к вашим ногам...

ЛИДДИ О, нет! Такой человек, как вы, не должен склоняться ни перед какой женщиной. Я с радостью запечатлеваю поцелуй на устах, с которых вы сами так часто бросали смех!

БАРОН Великолепно! Благословляю ваш союз.

ТРУТКА А я приготовлю свадебный гимн.

ЛИДДИ *(С улыбкой)* Ах, г-н Трутка, какой же вы противный.

ТРУТКА Я — поэт.

БАРОН *(Вернталью и Мордаксу)* А вы, негодяи, позор дворянства, получите безжалостную кару, какую оба вы заслужили: как самых обыкновенных злодеев я велю заковать вас вместе в кандалы и среди белого дня везти в город.

[БАРОН] МОРДАКС *(Раздражаясь)* Разбой и смерть! Это превышает мое терпение. Транспортировать меня в кандалах в город! Так это — награда за то, что я так божественно сыграл свою роль? И вы думаете, г-н театральный барон, что мы не знаем, что вы только актер г-на ххх и что ничего мне сделать не можете? Итак, г-н фон Вернталь, слезем в оркестр к музыкантам; это мои сердечные друзья, среди них у нас волос с головы не упадет *(Барон Мордакс и Вернталь слезают в оркестр. Входит бакалавр, неся клежку с чертом).*

БАКАЛАВР Поздравляю вас, г-н барон, с счастливым избавлением вместе с племянницей из когтей барона Мордакса.

БАРОН Что это, я с ума сошел, бакалавр? Ведь это вы каноника тащите в клетке на плечах?

БАКАЛАВР *(Ставя клетку на стол)* Гм, если черт может быть ксендзом, то он также может быть каноником и даже епископом, ибо этот замерзший печник всю жизнь был чертом в своей собственной персоне.

(Все присутствующие, не исключая барона Мордакса и г-на Вернталя в оркестре, кричат в изумлении): Что такое? Черт? О чудо!

БАКАЛАВР Да. Вот уже во второй раз я избавляю от него отягченный земной шар и, как воробья, завещаю его в клетке человеческому роду для свободного исследования.

ЧЕРТ Г-н барон, заклинаю вас, освободите меня из клетки, избавьте меня от этого бакалавра. Он издевается надо мной без конца, безжалостно давит меня, щекочет длинной крапивой, сыплет на голову мне мелкий песок три раза в минуту...

БАКАЛАВР Это черт, барон, это черт! Он заслужил этого! Потрудитесь взглянуть: я попробую исполнить мой заглавный эксперимент. Я велю ему съесть молитвенник и потом подать лапку. *(Дает ему молитвенник)* Ешь! *(Черт вздрагивает)* Жри, собачье племя! *(Черт вздрагивает еще сильнее).*

СЛУГА *(В дверях)* Какая-то молодая красивая дама в теплой шубе появилась в сенях неведомо откуда.

ЧЕРТ *(Радостно прыгает в клетке)* О, это моя бабушка! Это моя бабушка! Она надела шубу, чтобы не простудиться.

ТРУТКА Вы ошибаетесь, г-н Черт. Слуга говорит не о бабушке вашей, а о молодой и красивой даме.

ЧЕРТ Ты теленок! Разве моя бабушка может быть старой и некрасивой! Разве не знаешь ты, что мы, бессмертные, вечно остаемся молодыми? Если же, несмотря на это, я состарился и нажил морщины, то этому виной мои особые печали по причине нахождения румфордского супа.

(Входит бабушка Черта, цветущая, красивая женщина в модном зимнем костюме и приветствует молчаливым кивком головы)

БАБУШКА ЧЕРТА Г-н бакалавр, прошу выпустить моего внука из клетки! Взамен этого вы можете требовать какой угодно любезности.

БАКАЛАВР Так пусть, ваше превосходительство, он подаст мне лапку.

БАБУШКА ЧЕРТА Подай лапочку! (*Черт подает бакалавру лапку, после чего тот выпускает его из клетки*) Так вот как, дорогой внук!... Будь весел, мальчик! Мытье полов в аду окончилось. Можешь сейчас же вернуться со мной. Горячий кофе, который тебя, бедного, должен разогреть, уже ждет на столе.

ЧЕРТ Великолепно, отлично, бабуся! Но во время кофе я с удовольствием что-нибудь почитаю. Г-н бакалавр, нет ли с вами сочинений профессора Круга, особенно трактующих о новых исследованиях греческого вопроса?

БАКАЛАВР Конечно, есть, именно сегодня мне прислали пачку гнилых селедок. (*Вытаскивает из кармана несколько пачек*) Я даже могу предложить вам рассказы Ван дер Вельда, собрание сочинений утопленницы Луизы Брахман и, если не ошибаюсь, “Западно-восточный диван”, а также “Годы путешествия Вильгельма Мейстера”, сочинение Гете.

ЧЕРТ Ого, какие кучи печатной бумаги! Бабушка, ты взяла с собой прислужника, чтобы он все это захватил?

БАБУШКА ЧЕРТА Да, цезарь Нерон пришел со мной. Он теперь стоит на лестнице и чистит твои кавалерийские сапоги, которые я привезла с собой.

ЧЕРТ (*Кричит*) Нерон! Нерон!

(*Входит римский император Нерон в лакейской ливрее, неся в руках кавалерийские сапоги*)

НЕРОН Вы звали?

ЧЕРТ Давай сапоги. (*Натягивает сапоги. Нерону*) Что поде- лывает твой друг Тиверий?

НЕРОН Лежит на белильне и сушит свое белье.

ЧЕРТ И умно делает! Мой почтенный Нерон, ты возьмешь под левую мышку новейшие произведения греческого вопроса, под правую — поэтические произведения Луизы Брахман и понесешь это за мной.

НЕРОН К вашим услугам.

ЧЕРТ (*Обращаясь к присутствующим с плутовской улыбкой*) До свидания, господа.

(*Черт, его бабушка и цезарь Нерон выходят, нагруженные книгами*)

БАКАЛАВР Что это было, барон?

БАРОН Я вас об этом спрашиваю, г-н бакалавр.

ТРУТКА У меня мелькает идея наивно-безумной баллады под названием “Нерон чистит для черта кавалерийские сапоги”!

БАРОН А тебя, Лидди, не изумляет все это?

МОЛЬФЕЛЬС Лидди и я не обратили внимания на то, что здесь происходило.

БАРОН Это делает вам честь; так и приличествует влюбленным. *(Слуге)* Наш экипаж очень испорчен?

СЛУГА До него никто не дотронулся.

БАРОН Так принеси из-под козел корзинку с бутылками. *(Слуга уходит)* Подкрепимся немного несколькими стаканами пунша.

БАКАЛАВР *(Словно с неба свалившись)* О, барон, какой же вы умный человек! *(Слуга вносит корзинку)*

ТРУТКА *(У окна)* А кто это ходит еще там в лесу с фонарем? Он, кажется, подходит сюда!

БАКАЛАВР А чтоб тебя черти удавили! И шляется вот этакий мужик поздней ночью по лесу только затем, чтобы совершенно напрасно помогать нам лакать пунш! Ведь это — проклятый этот Граббе, или, как вернее я должен назвать его: этот карлик-краб, автор этой комедии! Глупый, как телячьи копыта, он ругает всех писателей, а сам ничего не стоит; у него коровьи ноги, косые глаза и обезьянья физиономия. Г-н барон, запремите дверь, запремите дверь!

ГРАББЕ *(За дверью)* О ты, проклятый бакалавр! Ты, бездонный мешок лжи!

БАКАЛАВР Г-н барон, велите запереть дверь, велите запереть дверь!

ЛИДДИ Бакалавр, бакалавр! Как можно быть озлобленным на человека, который нас написал! *(Кто-то стучит в дверь)* Войдите!

(Входит Граббе с зажженным фонарем)

